

АЛЬ-ГАЗАЛИ
Поминовение смерти и Последней жизни
Китаб зикр аль-маут ва-ма ба'даху
Книга XL из “Возрождения религиозных наук”
Ихья' 'улум ад-дин

Предисловие

«Смерть и солнце не следует пристально созерцать». Эта максима Ларошфуко в самом средоточии выражает отношение современного человека к этой тревожной и вместе с тем в высшей степени завораживающей теме. И в самом деле, читателю, чьи корни уходят в почву секулярной Европы, перспектива чтения текста - к тому же отнюдь не краткого, - открыто ставящего своей целью напомнить ему, насколько скоротечной и хрупкой должна быть его жизнь, может показаться малопривлекательной или даже неприятной. Однако не следует упускать из виду, что интерес к Великому Уравнителю, будучи далёким от дурного вкуса или болезненности, исторически даровал человечеству многие из его высочайших литературных и религиозных достижений. Со времён египетской «Книги мёртвых», созданной более чем за два тысячелетия до Рождества Христова, через эпоху Данте и далее - к Донну и Мильтону - неотступное размышление о человеческой смертности и возможности посмертного бытия оставило нам устойчивую литературную тему, которая, проливая свет на то, как умирали прежние поколения, даёт нам глубокое понимание того, как они избирали жить.

Представленный здесь в переводе текст имеет особое право на наше внимание, ибо это главное произведение о смерти, вышедшее из-под пера самого знаменитого богослова ислама. Имам аль-Газали задумал его как завершающий аккорд своего сорокакнижного «Возрождения религиозных наук» - по-арабски *Ихья' 'улум ад-дин*, - своего величественного изложения исламской веры, которое обычно признаётся окончательной *summa theologica* ислама. Учитывая широкое распространение этого труда, «Поминовение смерти и того, что последует за ней» (*Китаб зикр аль-маут ва-ма ба'даху*) вполне может считаться самым влиятельным изложением ортодоксального мусульманского вероучения в этой исключительно важной области. Более того, хотя академический интерес к нему весьма значителен, притягательность трактата аль-Газали сегодня простирается далеко за пределы университетских библиотек, ибо мир, к которому обращался его автор, несмотря почти на тысячу лет перемен и - как сказали бы некоторые - разложения, всё ещё живёт, поклоняется и умирает. Именно эту непреходящую актуальность послания аль-Газали я старался держать в уме в ходе труда над переводом, надеясь, что хотя бы отблеск литературного достоинства оригинала сможет проступить сквозь перевод и что, быть может, с помощью Провидения, текст нашего автора всё ещё сможет послужить той цели, ради которой он был предназначен.

Я хотел бы засвидетельствовать свою признательность ряду учёных, оказавших мне помощь в этой работе. В особенности доктор Ибрахим аль-Баттави из университета аль-Азхар и шейх Ахмад Машхур аль-Хаддад разъяснили ряд трудных мест и помогли мне с установлением некоторых изречений Пророка, которыми изобилует этот текст. Профессор Малкольм Лайонс из Кембриджского университета и Сими Гази любезно прочли Введение и части перевода и сделали несколько полезных замечаний. Им, а также ряду других лиц я выражаю свою благодарность.

В отсутствие критического издания «Возрождения» я пользовался следующими изданиями:

1. Амирийским изданием 1289 года хиджры, перепечатанным на полях комментария аль-Муртады аль-Забиди *Итхаф ас-садат аль-муттакин би-шарх асрар Ихья* 'улум ад-дин, второе издание, Каир: аль-Маймания, 1311 г. х., обозначаемым как А;
2. текстом, воспроизведённым в самом *Итхафе*, отдельные неточности которого иногда отмечаются комментатором, обозначаемым как Z;
3. изданием аль-Мақтаба аль-Азхария 1317 г. х., обозначаемым как МА.

Внимание обращается только на существенные расхождения; очевидные типографские ошибки опускаются.

Квадратные скобки использованы для пояснительного материала, добавленного к тексту, а также для арабского оригинала отдельных выражений, для которых в английском языке не существует удовлетворительного эквивалента. Коранический материал, при переводе которого я в значительной степени опирался на перевод Пиктхолла *Meaning of the Glorious Koran*, выделен курсивом и пронумерован в соответствии с изданием короля Фуада, тогда как ссылки на хадисную литературу следуют системе, принятой в *Concordance* Венсинка; более редкие предания указываются по томам и страницам печатных изданий тех трудов, которые перечислены в Библиографии. Там, где такой материал не был обнаружен в печатных трудах, читатель отсылается к *тахриджу* Забиди и литературе *зава'id*.

В целом следуя системе аль-'Ираки, все предания были разделены на три группы: те, что включены аль-Бухари и Муслимом, для которых ссылки на другие источники не приводятся; те, что охвачены другими сборниками, использованными Венсинком, для которых иные источники упоминаются лишь изредка; и, наконец, менее значительные тексты - всё это ради краткости. Пагинация в ссылках на *Ихья* соответствует каирскому изданию Мустафы аль-Халаби 1347 г. х., поскольку оно, возможно, более широко доступно, чем три текста, перечисленные выше.

Введение

С первых дней мусульманского опыта поминовение смерти и отрезвляющие истины эсхатологии составляли характерную основу благочестивой жизни. Самые ранние возвещения Корана - нового откровения Божией воли - были исполнены самых красноречивых и настоятельных увещаний к заблудшему человеку, предупреждая его, что вскоре протрубят в Трубу, возвещая¹ наступление Дня Суда, который детей сделает седыми². В тот день выйдут люди толпами, чтобы им показаны были их деяния³. Дела человека будут взвешены на Весах⁴, и узнают люди, что им уготовлено⁵ - Рай или Ад; и они не будут обижены ничем⁶. Наслаждения или наказания, ожидающие их, изображаются живо: для богобоязненных есть место спасения - сады и виноградники, и полногрудые девы сверстницы и кубок полный⁷. Но человек не должен забывать, что геенна – есть засада для преступивших..., в котором они пробудут века, не вкушая там ни прохлады, ни питья, ерме кипятку и гною: воздаяние соответственное⁸.

Эта картина получает дальнейшее развитие, когда мы обращаемся к Преданиям (*ахадис*, ед. ч. *хадис*) Пророка. Нам сообщают, что человек проходит период загробной жизни в могиле, которая, будучи «либо садом Рая, либо бездной Ада»⁹, предвосхищает его окончательную участь. К пейзажу Дня Суда добавляется «Водоём» (*хауд*), у которого община верующих собирается вокруг Мухаммада¹⁰, и «Мост» (*сират*) - «мост, перекинутый над бездной Ада, острее меча и тоньше волоса»¹¹, который

¹ Коран, XXXIX:68.

² Коран, LXXIII:17.

³ Коран, XCIX:6.

⁴ Коран, XXI:47. Об этих Весах, а также о некоторых параллелях в других религиях см.: M. Asin Palacios, *La Escatologia Musulmana en la Divina Comedia*, 299–303. Хотя труд Асина Паласиоса главным образом посвящён обширной зависимости средневекового христианского предания от исламских эсхатологических верований, он и сам по себе остаётся основополагающим исследованием мусульманских *leyendas de ultratumba* - «сказаний о загробном мире».

⁵ Коран, LXXXI:13–14.

⁶ Коран, XIX:60.

⁷ Коран, LXXVIII:31–34.

⁸ Коран, LXXVIII:21–26.

⁹ Тирмизи, *Кийама*, 6. Другие хорошо известные предания по этому вопросу собраны у аль-Байхаки в *Ithbat 'adhab al-qabr* и у Ибн Раджаба в *Ahwal al-qubur wa-ahwal ahliha ila'l-nushur*. Хасан Халид, нынешний муфтий Ливана, даёт полезное изложение этой темы в своём труде *al-Islam wa-ru'yatuhu fima ba'd al-mawt*, 103–163. Подробное исследование учения о жизни в могиле с западной точки зрения см.: R. Eklund, *Life Between Death and Resurrection According to Islam*; также Jane Smith and Yvonne Haddad, *The Islamic Understanding of Death and Resurrection*, 31–63.

¹⁰ Хадисная литература не вполне ясна относительно того, на какой стадии Суда будет встречен *хауд* - Водоём; однако мнение поздней аш'аритской мысли, основанное на том же материале, обычно помещает его после *сирата*. Таково мнение Газали в *Ихья'* (I. 81–82), а также, например, аль-Забиди (*op. cit.*, X. 482), ас-Суюти, Ибн Хаджара и кади 'Ияда - согласно Халиду, 328 - и столпа азхарской ортодоксии 'Абд ас-Салама аль-Лаккани (*Irshad al-murid ila maqam al-Tawhid*, 146). Согласно аль-Куртуби, однако, существуют в действительности два *хауда*: один до *сирата*, другой после него (*al-Tadhkira fi ahwal al-mawta wa-umur al-Akhira*, 302); это мнение также получило довольно широкое признание. Ср.: A. Wensinck, *The Muslim Creed*, 232. О полемике см.: Khalid, *loc. cit.*

¹¹ Муслим, *Иман*, 306. О *сирате* см.: Asin Palacios, *Escatologia*, 181–183.

надлежит перейти как часть вещественного проявления Суда. Материал хадисов также представляет понятие заступничества (*шафа'а*), совершаемого пророками от имени их различных общин¹².

Эта грозная картина эсхатона глубоко определяла сознание ранних верующих относительно их центральной роли в сотворённом порядке. Некоторые из сподвижников Пророка, такие как Абу Бакр, Абу Зарр аль-Гифари и Салман аль-Фариси, ответили на неё глубоким аскетизмом, и их святые и суровые жизни послужили вдохновением для обширного корпуса агиографического материала, значительная часть которого вошла в фольклор и, как мы увидим, в позднейшую благочестивую литературу. Отношение равнодушия к суетам этого мира продолжалось и в следующем поколении - поколении «последователей» (*таби'ун*) и их преемников - и воплотилось в личностях аль-Хасана аль-Басри (ум. 110 г. х. / 728 г. н. э.), дамаскинца Абу Сулаймана ад-Дарани (ум. ок. 215/830) и других героев отречения, которых современники называли *аль-бакка'ин*, «плачущими», за их постоянное покаянное воспоминание о смерти и Суде.

Это настроение породило собственную литературу аскетизма (*зухд*)¹³, собиравшую бытовавшие в среде *бакка'ин* подходящие рассказы в книжную форму. Среди наиболее известных авторов, чьи труды сохранились донныне, были 'Абд Аллах ибн аль-Мубарак¹⁴ (ум. 181/797), Ахмад ибн Ханбаль¹⁵ (ум. 241/855) и плодовитый автор трактатов Ибн Аби'д-Дунья¹⁶ (ум. 281/894). В тот же период великие составители хадисов, такие как аль-Бухари (ум. 256/870) и Муслим ибн аль-Хаджадж (ум. 261/875), включали в свои труды главы о *зухде* и родственном жанре *рака'ик*¹⁷.

Эта литература существенно способствовала развитию систематизированного мусульманского эзотеризма, известного как *тасаввуф*, или суфизм. Даже беглый взгляд на труды крупных ранних суфиев, таких как аль-Мухасиб (ум. 243/857), аль-Джунайд (ум. 298/910) и Абу Талиб аль-Макки (ум. 386/996), показывает значение аскетизма *зухд* и созерцания смерти в *via purgativa*, которую излагали эти люди¹⁸.

В те же годы, однако, ислам оказался вынужден вступить в соприкосновение с недавно переведённой философией греков. Возникла формальная теология, известная как *калам*¹⁹, и хотя она использовалась различными сектами²⁰, она также была поставлена на службу защите

¹² О *шафа'а* - заступничестве - см.: A. Wensinck, "Shafa'a", *SEI*, 511–512; Annemarie Schimmel, *And Muhammad is His Messenger*, 81–104. Наиболее известные предания по этому вопросу приведены в *Jam' al-fawa'id* аль-Равдани, I. 475–478.

¹³ Об этом см.: F. Rosenthal, "Sweeter than hope": *Complaint and Hope in Medieval Islam*, *passim*.

¹⁴ 'Абд Аллах ибн аль-Мубарак, *K. al-Zuhd wa'l-raqa'iq*.

¹⁵ Ахмад ибн Ханбаль, *K. al-Zuhd*.

¹⁶ Об Ибн Аби'д-Дунье см. ниже, примечание 49.

¹⁷ Возможно, самостоятельный жанр *зухда* развился из подобных глав в виде трудов типа *аджаз*'. За исключением *Муваммы* Малика ибн Анаса, все канонические сборники, включённые в *Concordance* Венсинка, содержат отдельные разделы, посвящённые этой теме. К ним следует добавить важные главы, содержащиеся в *Mustadrak* аль-Хакима ан-Нисабури, IV. 306–332, и в *Musannaf* Ибн Аби Шайбы, XIV. 5–67.

¹⁸ Нельзя сказать, что ранний суфизм сам по себе изменил традиционную картину жизни после смерти, хотя такие авторы, как аль-Мухасиб, действительно особо подчёркивали уже присутствующие темы, например видение *lumen gloriae* - света славы - в Раю. Ср.: Коран, LXXV:22–23; аль-Мухасиб, *K. al-Tawahhum*, изд. A. J. Arberry, 56 и далее.

¹⁹ Буквально - «речь», «рассуждение», однако технически этот термин употребляется для обозначения «схоластической» теологии ислама. См.: H. J. Wolfson, *The Philosophy of the Kalam*, 1.

²⁰ Хороший обзор ранней истории *калама* см. там же, pp. 3–43; также L. Gardet and M.-M. Anawati, *Introduction à la théologie musulmane*, 21–93.

кристаллизующейся суннитской ортодоксии от тех выводов греков, которые труднее всего поддавались усвоению, одним из которых было аристотелевское отрицание личного посмертного существования²¹. Ко времени Газали суннитская мысль уже исследовала и упорядочила эсхатологическое содержание Корана и хадисов в рамках авторитетных изложений, таких как «Беседы» аль-Аш‘ари²² (ум. 324/935) и «Предварение» аль-Бакиллани²³ (ум. 403/1013). И всё же, несмотря на эту растущую интеллектуализацию будущей жизни, традиционный язык никогда не был подчинён *калему*. К началу пятого мусульманского века два подхода - ума и сердца - сосуществовали в напряжённой гармонии. Примирение этих двух подходов стало частью достижения Абу Хамида аль-Газали.

Жизнь Газали

(Из биографического словаря *ас-Сафад* [ум. 764/1363].)²⁴

«Мухаммад ибн Мухаммад ибн Мухаммад ибн Ахмад, Довод Ислама, Украшение Веры, Абу Хамид ат-Туси - аль-Газали, шафиитский правовед, в поздние годы своей жизни не имел себе равных. В начале своего пути он учился у Ахмада ар-Радакани в Тусе²⁵, а затем отправился в Нишапур²⁶, где посещал занятия Имама аль-Харамайна²⁷. Он трудился с величайшим усердием, так что за короткое время завершил обучение (*тахарраджд*) и стал мастером, сочиняя собственные труды ещё при жизни своего наставника, с которым оставался до самой его кончины.

Затем он в 478/1085–6 году отправился ко Двору-Стану и присоединился к Низам аль-Мульку²⁸, который оказал ему большой почёт и уважение. При визире находилась группа людей добродетели, вступавших с ним в диспуты. Он одержал над ними верх, и имя его стало знаменитым, а слава распространилась.

²¹ Один из трёх пунктов, которые побуждают Газали осудить философов как неверующих. Ср.: *al-Iqtisad fi'l-i'tiqad*, 209; *Tahafut al-falasifa*, 344; Anawati, "Introduction historique à une nouvelle traduction de la Métaphysique d'Avicenne", *MIDEO* 13 (1977), 200–207; также см. ниже, р. 122п. Отношение философов к традиционному исламу было исследовано Гарде (*La Pensée Religieuse d'Avicenne*), который, однако, возможно, склонен переоценивать их исламскую лояльность.

²² *Maqalat al-Islamiyin wa'khtilaf al-musallin*.

²³ *K. al-Tamhid*.

²⁴ *al-Wafi bi'l-wafayat*, 274–277. Классическое изложение дано ас-Субки в *Tabaqat al-Shafi'iyah*, IV, 101–182; его полезно читать вместе с F. Jabre, "La biographie et l'oeuvre de Ghazali reconsidérées à la lumière des Tabaqat de Sobki", *MIDEO* 1 (1954), 73–102. Также полезны: M. Bouyges, *Essai de chronologie des oeuvres d'al-Ghazali (Algazel)*; W. Montgomery Watt, *Muslim Intellectual*; D. B. Macdonald, "The Life of al-Ghazzali", *JAOS* 20 (1899), 70–133; 'Abd al-Rahman Badawi, *Mu'allafat al-Ghazali*; Margaret Smith, *Al-Ghazali the Mystic*.

²⁵ Город в Хорасане, северо-восточной области Персии. Ср.: Yaqut, *Mu'jam al-buldan*, II, 560; Le Strange, *Lands of the Eastern Caliphate*, 388–391.

²⁶ Город и в то время интеллектуальный центр Хорасана. Ср.: Yaqut, *Mu'jam al-buldan*; Le Strange, 382–388.

²⁷ Абу-ль-Ма'али аль-Джувайни, известный как Имам аль-Харамайн (419/1028–478/1085), прославленный аш'аритский богослов и шафиитский правовед. Хотя эсхатологический интерес его трудов невелик - соответствующая глава отсутствует в сохранившихся рукописях *al-Shamil*, его *magnum opus*; ср.: M. Allard, *Le problème des attributs divins*, 380; Gardet and Anawati, 181–184, - влиятельные трактаты Джувайни по *калему* были непосредственными предшественниками формально-богословских трудов Газали.

²⁸ Могущественный сельджукский визирь (408/1018–485/1092). См.: H. Bower, статья "Nizam al-Mulk" в *EI*.

Благодаря ему хромой пошёл бодрой походкой,
И лишённый песни через него разразился мелодией.

Визирь пожаловал ему профессорскую кафедру в Низамии²⁹ (484/1091–2), и там, в Багдаде, число его последователей умножилось настолько, что превзошло даже свиты эмиров и вельмож. Народ Ирака был им чрезвычайно доволен.

Затем, в месяце зу-ль-ка‘да 488 года (1095), он оставил всё своё мирское достояние и последовал путём отречения и уединения. Он совершил Паломничество и, вернувшись, направил свои стопы в Сирию, где некоторое время пребывал в городе Дамаске, наставляя в молитвенном уединении мечети (*завийат аль-джамии*), которое ныне носит его имя в западном квартале. Затем он отправился в Иерусалим, много подвизаясь в поклонении и посещении святых мест и местностей. После этого он поехал в Египет, задержавшись на некоторое время в Александрии. Говорят, что там он решил отплыть, чтобы присоединиться к эмиру Юсуфу ибн Ташфину, правителю Марракеша, ибо слышал о его любви к учёным и о том, что он радушно их принимает.

Однако до него дошла весть о смерти упомянутого эмира, и он вернулся в родной город Тус - незадолго до 492/1099 года. Здесь он составил ряд ценных книг, прежде чем вновь отправиться в Нишапур, где был вынужден преподавать в Низамии³⁰ (499/1106). Впоследствии, в 500/1107 году, он оставил и это и возвратился в свой родной город, где принял на себя руководство обителью (*ханках*) для суфиев и соседним училищем для занятых учением. Он делил своё время между различными благими делами, такими как чтение Корана целиком и проведение занятий для суфиев (*ахль аль-кулуб*)... Он скончался в понедельник, четырнадцатого числа месяца джумада аль-ахира 505 года (1111), в Табаране³¹... крепости (*касба*) Туса, где и был погребён».

Приведённое выше повествование даёт точное общее изложение жизненного пути Имама³². Однако Сафади не рассказывает нам историю его мучительного внутреннего странствия: его ужаса перед *odium theologicum* своего времени³³ и его решающей защиты ортодоксии³⁴ против арабских философов³⁵ и тайной секты батинитов³⁶, которая, однако, не смогла устранить глубинный скептицизм, лишь усилившийся благодаря его блестящему успеху в Багдаде. Именно в это время, разочарованный, он начал думать об отказе от академической карьеры. Как он сам описывает этот период в своей автобиографии³⁷:

Однажды я решил оставить Багдад и эти обстоятельства, а на следующий день менял своё решение... Желания этого мира тянули меня и умоляли остаться, тогда как голос веры взывал:

²⁹ Великий колледж Низам аль-Мулька в Багдаде. См.: J. Pedersen and G. Makdisi, статья "Madrasa" в *EI*², V. 1123–1134, *passim*.

³⁰ Колледж, основанный сыном Низам аль-Мулька, Фахр аль-Мульком.

³¹ Согласно аль-Истахри, один из четырёх округов Туса. См.: *Masalik al-mamalik*, 257.

³² Путешествие в Александрию оспаривалось, хотя о нём довольно последовательно сообщают биографы, например Субки, *op. cit.*, IV. 105; Ибн Халликан, *Wafayat al-a‘yan wa-anba‘ abna‘ al-zaman*, I. 587.

³³ Об этом см., например, его *Faysal al-tafriqa bayn al-Islam wa‘l-zandaqa*, 202–205.

³⁴ Это слово, хотя и не вполне естественно в исламском контексте, будет использоваться в настоящем исследовании для обозначения *ахль ас-сунна ва-ль-джама‘а*.

³⁵ В его *Tahafut al-falasifa*.

³⁶ *Fada‘ih al-Batiniya*, также известный как *al-Mustazhiri*. Ср.: Badawi, *Mu‘allafat*, 82–84.

³⁷ *Al-Munqidh min al-dalal*, арабский текст, pp. 36–37.

«Иди! Иди! От твоей жизни осталось лишь немного, а впереди перед тобой лежит долгое странствие. Всё знание и все дела, которыми ты владеешь сегодня, - лишь показное служение и обман. Если ты не пригодишься теперь к Последней жизни, то когда же ты это сделаешь?»

Именно поминовение смерти в конце концов одержало победу. Десятилетний период странствий был отдан суфийскому пути самоочищения и поиску непосредственного знания Бога³⁸. Многочисленные труды, которые он создал во время этого странствия и после него, свидетельствуют о его искренности и духовном достижении; и ничто не свидетельствует об этом больше, чем самый прославленный из них - его «Возрождение религиозных наук», венчающее интеллектуальное достижение классического ислама, которое, будучи проникнуто его мощным убеждением во взаимной необходимости двух начал для уравновешенной религиозной жизни, неразрывно соединило традиционные внешние науки с суфизмом. Масштаб его достижения был выражен в фразе, которую цитируют почти все биографы Имама: «Если бы все книги ислама были утрачены, кроме одного лишь “Возрождения”, оно восполнило бы их полностью»³⁹.

«Возрождение религиозных наук» и «Поминовение смерти и Последней жизни»

Как мы видели, историческое решение Газали посвятить свою жизнь суфизму было в значительной мере вызвано его осознанием близости смерти и Суда; неудивительно, что в трудах, относимых к последнему периоду его жизни, он выразил сильную и постоянную озабоченность этой темой⁴⁰.

³⁸ Любопытно, что аль-Джувайни сам прошёл через кризис, сопоставимый с кризисом его великого ученика: «Я прочёл пятьдесят тысяч книг, умноженных на пятьдесят тысяч, а затем оставил позади всех людей ислама и их внешние науки, пустившись в безбрежный океан, погружаясь в то, что они запрещали, - всё ради поиска истины. С ранних лет я бежал от подражания [*таклид*]; теперь же я отрёкся от всего этого и вернулся к слову истины: “следуйте религии старух”». Сүбкн, III. 260. Последняя цитата является популярным хадисом: ас-Сүюти, *al-Durar al-Muntathira fi'l-ahadith al-mushtahira*, 136.

³⁹ Safadi, I. 275; Zabidi, I. 27; Tashkopruzade, *Miftah al-sa'ada wa misbah al-siyada*, II. 202.

⁴⁰ К этому периоду жизни Газали относят ещё один труд по эсхатологии. Трактат, известный как *al-Durra al-Fakhira fi kashf 'ulum al-Akhira* - частично изданный с частичным французским переводом L. Gautier, Leipzig, 1877, под названием *ad-Dourra al-Fakhira: La Perle Précieuse de Ghazali*; английский перевод Jane Smith: *The Precious Pearl: A Translation from the Arabic*, Missoula, Montana, 1979, - многие европейские учёные считают неподлинным. Например, M. Asin Palacios утверждает, что «его подлинность весьма сомнительна; издатель [Gautier] основывает её на единственной цитате из *Ихья'* на странице 27, однако аль-Газали не упоминает его как свой труд ни в одной из своих книг, а эсхатологическое учение, которое он содержит, - весьма бедное резюме последнего трактата *Ихья'*, - не даёт ничего в поддержку утверждения, что этот благочестивый компендиум является трудом самого аль-Газали» (*La Espiritualidad de Algazel y su sentido Cristiano*, IV. 385). Однако характеризовать *Durra* как резюме *Поминовения* кажется неоправданным: хотя в нём действительно появляется небольшое число тех же *асар*, прежний труд по большей части представляет собой собственную прозу автора и описывает смерть и Воскресение лишь с отдельными ссылками на авторитеты. Почти половина *Поминовения* отведена описанию Рая и Ада, чего в позднейшем труде вообще не предпринимается. *Durra* регулярно использует термины *мульк* и *малакут*, которые почти не фигурируют в *Поминовении*, в основном ограничивающемся противопоставлением *дунья/ахира*. Асин Паласиос поддерживает свой довод замечанием, что *Ихья'* цитируется только один раз; однако это не имеет большого веса, поскольку, как указывает Аллард - у Bouyges, *op. cit.*, 79-80, - в *Durra* есть по меньшей мере ещё три ссылки на *Ихья'*.

Если в «Срединной мере в вероучении», созданной до периода его странствий, вопросам эсхатологии отводится обычное для богословов место - как категории спасительных убеждений, без какого-либо следа увещательного призыва⁴¹, - то «Возрождение» представляет собой полную противоположность: Последняя жизнь упоминается почти на каждой странице и образует наиболее характерный лейтмотив книги⁴². Цель Газали, как он сообщает читателям в самом начале труда, состоит в том, чтобы исцелить духовную немощь своих современников напоминанием о непрочности их жизни. В Книге I, с величавой риторикой, которая не выглядела бы неуместной и в «Поминовении», он восклицает: «Последняя жизнь приближается, а этот мир проходит; путь долог, припасы скудны, а опасности велики...»⁴³ Из-за прискорбной *гафла*, или беспечности, простого народа, а также гордости и мирскости *улама*, богословов, на которых уже нельзя положиться как на ведущих людей к «пути Последней жизни», Газали оказывается побуждённым создать труд с задачей не менее драматической, чем «Возрождение религиозных наук»⁴⁴.

Итак, «Возрождение» является попыткой сделать универсальным центральный преобразующий опыт жизненного пути автора. Оно отражает его убеждение в том, что традиционная учёность эпохи, занимавшаяся лишь более поверхностными сторонами человеческого положения, не смогла пробудить его от занятости подлунными заботами. Ответ, как Газали открыл для себя, заключался только во внутреннем усвоении форм религии через «вкушение» (*заяк*) - личный религиозный опыт.

W. Montgomery Watt в статье "The Authenticity of the Works Ascribed to Al-Ghazali", *JRAS* 1952, 24–45, приводит более существенные основания сомневаться в подлинности *Durra*. «Немыслимо, - говорит он, - чтобы аль-Газали мог выражаться так, как это делает *Durra*, поскольку он столь регулярно проповедует *praeparatio mortis*» (р. 32). Однако, учитывая обстоятельства последних лет Газали, в течение которых *Durra*, вероятно, была составлена, согласно Bouyges, р. 79, было бы не неразумно предположить, что Газали предназначал эту книгу, подобно *Mishkat al-anwar*, прежде всего для своих посвящённых, для которых дидактический подход *Ихья'* и других трудов, главным образом рассчитанных на широкое употребление, был неуместен; это также может подтверждаться присутствием ключевого слова *кашф* в названии. Дальнейший довод Montgomery Watt о том, что рассказ о «вознесении», содержащийся в *Durra* на pp. 11–15, «находится в резком противоречии с преданием Му'азы в *Bidaya*», также мог бы быть объяснён таким образом.

Ещё более уверен в неподлинности *Durra* Hava Lazarus-Yafeh, которая заявляет, что она «определённо не написана аль-Газали» (*Studies in Al-Ghazzali*, 36), однако не приводит причин, отсылая читателей (р. 330) к труду Bouyges, который, напротив, по-видимому, склонен принимать этот труд как подлинный (Bouyges, *loc. cit.*).

К уже приведённым доводам против подлинности труда можно было бы добавить и тот факт, что *Durra* последовательно помещает *хауд* до *сирата* (pp. 83, 106), тогда как *Ихья'* (IV. 447–448; 452) предполагает обратный порядок.

Возможно, наилучший ответ на эту полемику уже давно дал ас-Суюти в *al-Hawi li'l-fatawi*, I. 383. Указав, что *Durra* признавалась подлинной такими авторитетами, как аль-Куртуби в его *Tadhkira* и Ибн Хаджар, он предполагает, что, хотя «существующая ныне *Durra* содержит плохо сформулированные выражения и ошибочные падежные окончания, по-видимому, это стало следствием очень частого употребления книги простыми людьми, вследствие чего переписчики добавляли одни части, удаляли другие, искажали и изменяли текст».

⁴¹ *Iqtisad*, 180–189.

⁴² В *Ихья'* (I. 14–15) Газали относит изучение вопросов, касающихся будущей жизни, к категории *фард 'айн* - обязанности, лежащей на каждом мусульманине.

⁴³ *Ихья'*, I. 3.

⁴⁴ Там же.

Возможность такого знания - это послание, повторяемое многими из сорока «книг» труда⁴⁵, начиная с «Книги знания», пока не устанавливается прочная эпистемология, поиски которой столь мучили автора в Багдаде. Ключевые понятия, такие как *'ильм* - знание, *хикма* - мудрость, и *фикх* - правоведение, исследуются и определяются, а *заук* выдвигается как единственный путь к достоверности (*якин*). Именно укрепившись этой достоверностью, следует подходить к кругу традиционных исламских наук; и изложение их, начиная с *калама*, проходит через четыре «четверти» книги - о Поклонении, Обычаях, Гибельных пороках и Спасительных добродетелях - к элегическому завершению, где голос Последней жизни, звучавший на протяжении всего труда как *santus firmus*, наконец звучит один.

В основном книги «Возрождения» следуют установленному образцу: они упорядочены по главам - *баб*, ед. ч., - которые подразделяются на более мелкие части, обычно именуемые «Изложениями» - *баян*, ед. ч. Намерение Газали состояло в том, чтобы его труд был легко доступен⁴⁶, и современные учёные обычно хвалят «ясность стиля, логическую точность его делений и способ изложения»⁴⁷. «Поминование», возможно отчасти из-за своего объёма - фактически это самая длинная книга в «Возрождении», - само делится на две «половины» (*шапр*, ед. ч.), первая из которых рассматривает традиционные вопросы мусульманской танатологии, тогда как вторая последовательно проходит через события, следующие за Последней Трубой. В соответствии со своим обычным методом в «Возрождении», автор, как правило, вводит каждую тему, а затем поочерёдно приводит коранические аяты, пророческие предания и ряд поучительных примеров, приписываемых ранним мусульманам - *салаф*, или «предшественникам», - а также Иисусу и еврейским патриархам. Эти повествования, многие из которых лаконичны и граничат с повторяемостью⁴⁸, часто искупают это краткостью и афористичностью, которая неизбежно страдает в переводе. Следует помнить, что герои этих рассказов во многих случаях были «известными каждому» именами своего времени и что подобные предания, вероятно, вызывали более живой интерес, чем иногда может показаться современному читателю.

Весь этот материал, с определёнными вариантами, встречается в более ранних источниках, многие из которых, как известно, Газали читал. В частности, труды Ибн Аби'д-Дуньи из Багдада,

⁴⁵ О значении числа 40 см.: Pouzet, *Une Herméneutique de la tradition islamique*, 42–52, где он цитирует (p. 43) Massignon (*Essai sur les origines du lexique technique de la mystique musulmane*, 133), сообщающего нам, что оно представляет собой «традиционное семитское число для обозначения покаяния и искупления». Согласно Annemarie Schimmel (*And Muhammad is His Messenger*, 117), это число «терпения, созревания, страдания, приготовления. Израиль сорок лет провёл в пустыне; Иисус провёл сорок дней в пустыне; Мухаммаду было сорок лет, когда пришло его призвание; сорок дней Великого поста; сорок дней полного уединения, практикуемого суфиями...». Schimmel напоминает, что 40 - это также числовое значение буквы *мим*, и что суфии находят бесконечный простор для созерцания в *хадис кудси*, где Бог говорит: *Ana Ahmad bila mim* - «Я - Ахмад [одно из имён Пророка] без "мим"»: ибо, если убрать эту букву, остаётся только *Ахад* - «Единый». Размышления об этом числе особенно расцвели у 'Аттара и Ибн 'Араби.

⁴⁶ Однако некоторые части *Ихья'*, например часть II, книга 4 (*al-Halal wa'l-haram*), являются техническими и могли быть написаны только для *улама*. Другие книги, в частности II, 8 (*Adab al-sama' wa'l-wajd*), III, 10 (*Dhamm al-ghurur*), IV, 2 (*al-Sabr wa'l-shukr*), IV, 5 (*al-Tawhid wa'l-tawakkul*) и IV, 6 (*al-Mahabba wa'l-shawq wa'l-uns wa'l-rida*), по-видимому, были написаны с расчётом на достаточно продвинутых практиков *такаввуфа*.

⁴⁷ M. Asin Palacios, *Algazel, Dogmatica, Moral y Ascética*, 156.

⁴⁸ Критика, высказанная, например, Asin Palacios, *Algazel*, 517; A. J. Arberry, *Revelation and Reason in Islam*, 64.

популярного автора на темы *зухда*⁴⁹, как можно показать, включают по меньшей мере две пятых рассказов, приводимых Газали, несмотря на то что многие из этих трудов уже не сохранились⁵⁰. Абу Ну'айм из Исфахана (ум. 430/1038)⁵¹, наряду с ас-Сулами (ум. 465/1073)⁵², аль-Кушайри (ум. 465/1072)⁵³, аль-Мухасиб⁵⁴ и аль-Хакимом ат-Тирмизи⁵⁵ (ум. 285/898), также включает значительную часть этого материала. Однако очевидно, что присутствие таких рассказов в «Поминовении» не доказывает, будто автор взял их непосредственно из более ранних трудов, где они встречаются, ибо многие из них, должно быть, имели очень широкое хождение в благочестивых кругах. Хотя влияние таких авторов, как Абу Талиб аль-Макки, на другие трактаты «Возрождения» легко доказуемо - целые фрагменты *Кут аль-кулуб* аль-Макки в некоторых местах воспроизводятся почти дословно⁵⁶, - прямое влияние предшественников Газали, которое можно доказать убедительно, в основном ограничивается Главой второй - «О долгих надеждах», воспроизводящей значительную часть содержания *Китаб кисар аль-амаль*⁵⁷ Ибн Аби'д-Дуньи, - и Главой третьей, которая в большой степени опирается на главу «О приготовлении к смерти» из *Китаб ар-ри'ая* аль-Мухасиб, многие строки которой повторяются или отзываются эхом⁵⁸. Рассказ о смерти Пророка

⁴⁹ Об Ибн Аби'д-Дунье см. теперь: Ella Appelrot-Almagor, ed. and introd., *The "K. Dhamm al-dunya" by Ibn Abi'l-Dunya*, 1–36; также введение к *K. al-Shukr* Ибн Аби'д-Дуньи, 9–59. См. также: A. Wiener, "Die Farag ba'd as-sidda Literatur", I/II, *Der Islam*, 4 (1913), pp. 270–298, 387–420; A. J. Arberry, "Ibn Abi'l-Dunya on penitence", *JRAS* (1951), pp. 48–63; J. A. Bellamy, ed. and introd., *K. Makarim al-akhlaq of Ibn Abi'l-Dunya*; Brockelmann, *GAL* I. 160, *GALSI* 247–248.

⁵⁰ Appelrot-Almagor включает в свой список книг Ибн Аби'д-Дуньи следующие утраченные труды, все упоминаемые аз-Забиди, *passim*, как источники для *Поминовения*: *K. al-Ba'th wa'l-nushur*, *K. Sifat al-Janna*, *K. Sifat al-Sirat*, *K. Sifat al-Mizan*, *K. Sifat al-Nar*, *K. или Akhbar al-Qubur*, *K. al-Mawt* - по словам al-Sawwas во введении к *K. al-Shukr*, p. 32n, состоявший из семи частей; вероятно, он был тождествен труду, названному, возможно знаменательно, *K. Dhikr al-mawt*, который также перечисляет Appelrot-Almagor.

Appelrot-Almagor выявляет (p. 24) несколько точек соответствия между *K. Dhamm al-dunya* и *Ихья'* - начальный раздел собственного *K. Dhamm al-dunya* Газали [III, книга 6] почти дословно восходит к более раннему труду, - однако она, несомненно, вступает на более рискованную почву, когда говорит, что «можно, пожалуй, решиться предположить, что аль-Газали мог намеренно вводить определённые изменения, чтобы его заимствования не были слишком очевидными». *K. al-Samt wa-hifz al-lisan* Ибн Аби'д-Дуньи также был источником для *Ихья'*; ср. введение 'Ашира, p. 24.

⁵¹ В его *Hilyat al-awliya' wa-tabaqat al-asfiya'*. Согласно Appelrot-Almagor (p. 23), Абу Ну'айм был во многом обязан Ибн Аби'д-Дунье.

⁵² Например, его *Jawami' adab al-Sufiya* и *'Uyub al-nafs wa-mudawatuha*.

⁵³ Его *al-Risala fi 'ilm al-tasawwuf* (*GAL* I. 432–433), по-видимому, создала важный прецедент для соединения Закона и суфизма в *Ихья'*. Например: «Всякий Закон, не поддержанный мистической истиной, неприемлем; равно как и всякая мистическая истина, не поддержанная Законом» (I. 296).

⁵⁴ См. ниже, примечания 58, 62. О влиянии Мухасиб на Газали см.: Margaret Smith, "The Forerunner of al-Ghazali", *JRAS* (Jan. 1936), pp. 65–78.

⁵⁵ О влиянии этой фигуры на Газали см.: M. al-Jayushi, *al-Hakim al-Tirmidhi. Dirasa li-atharihi wa-afkarihi*. Ср. также Lazarus-Yafeh, 268–277; о его влиянии на *K. Dhikr al-mawt* см. p. 272.

⁵⁶ Хотя *Qut al-qulub fi mu'amalat al-Mahbub* касается темы Последней жизни, когда рассматривает покаяние и распределение степеней в Раю и Аду (I. 179–193), вопрос «страха и надежды» (I. 213–242) и суд над неверующими (II. 157–158), он не обнаруживает явного сходства с *Поминовением*.

⁵⁷ Ср.: *GAL* I. 435.

⁵⁸ *K. al-Ri'aya li-huquq Allah*, pp. 73–84.

имеет некоторое сходство с версией, приведённой в *Сире* Ибн Исхака⁵⁹. Кроме того, *Рисала* аль-Кушайри содержит большую часть материала Главы шестой и некоторых разделов Главы восьмой⁶⁰. Вторая «половина» «*Поминовения*», написанная в несколько более традиционном ключе, в основном восходит к сборникам *хадисов* и эсхатологическому трактату аль-Байхаки (ум. 458/1066)⁶¹; и хотя в ней заметно эпизодическое влияние эсхатологического опыта аль-Мухасибии - *Китаб ат-таваххум*, - обвинение в полном плагиате, выдвигаемое некоторыми, не подтверждается внимательным сопоставлением двух текстов⁶². Заключительная глава, которая своими возвышенными и радостными напоминаниями о Божьем милосердии должна быть отнесена к числу лучших образцов арабской благочестивой прозы, полностью оригинальна. Рассказы, относящиеся к самому Пророку, менее многочисленны, чем те, что приписываются *салаф* и еврейским патриархам⁶³, по большей части находятся в главных «канонических» сборниках хадисов. Хотя остальные были прослежены до других сборников комментатором аль-Муртадой аз-Забиди (ум. 1205/1791)⁶⁴, некоторые биографы и противники Газали регулярно критиковали их как «слабые» или даже «подложные». В частности, такие авторы, как Ибн аль-Джаузи⁶⁵, которых Газали, так сказать, оставил позади в Багдаде и которые стремились поставить под сомнение понятие религиозного знания, основанного на *заяк*, подкрепляли свою полемику обвинением Газали в том, что он включил в своё «*Возрождение*»⁶⁶ большое число подобных *хадисов*. Однако большинство авторитетов, по-видимому, соглашались с его использованием такого материала, повторяя в различных формах, что «это не может быть предметом упрёка, поскольку использование таких преданий законно, когда речь идёт о внушении надежды или страха»⁶⁷.

⁵⁹ *The Life of Muhammad: A Translation of Ibn Ishaq's Sirat Rasul Allah*, A. Guillaume, pp. 678–682.

⁶⁰ В особенности глава *Рисалы* о последних мгновениях святых (I. 589–600) и глава о сновидческих видениях (II. 714–730).

⁶¹ *K. al-Ba'th wa'l-nushur*. Изд. и введение А. А. Haydar. Beirut, 1406/1986. Haydar утверждает во введении, pp. 5–6, что рукопись, на которой он основывает своё издание, вероятно, неполна.

⁶² *K. al-Tawahhum*, изд. и введение А. J. Arberry, Cairo, 1937, введение, page D: «Многие фразы последнего, то есть *Поминовения*, либо определённо заимствованы из книги Мухасибии, либо созданы по её образцу, тогда как по объёму и структуре весь раздел находится в глубокой зависимости от неё». Даже если допустить, что Arberry имеет в виду *шапр* I, и хотя характерное слово *fatawahham* действительно встречается трижды, между двумя трудами, по-видимому, существует не более чем умеренное соответствие.

⁶³ Двадцать восемь процентов от общего числа слов по сравнению с тридцатью шестью процентами. Собственная проза Газали составляет менее тридцати пяти процентов труда.

⁶⁴ Замечательная эрудиция, проявленная аз-Забиди в его *Итхафе*, во многом обязана усилиям более раннего труда по *тахриджу*, принадлежащего Зайн ад-Дину аль-'Ираки (ум. 806/1404), наставнику Ибн Хаджара и ас-Субки: его *al-Mughni 'an haml al-asfar fi'l-asfar fi takhrij ma fi'l-lhya' min al-akhbar* печатался в виде примечаний к нескольким изданиям *Ихья'*, включая издание Мустафы аль-Халаби, Cairo, 1347 АН.

⁶⁵ Об этих напаках см.: Margaret Smith, *Al-Ghazali the Mystic*, 198.

⁶⁶ Например, Ибн аль-Джаузи, *Talbis Iblis*, 177. Критику высказывал также Ибн Касир, *al-Bidaya wa'l-nihaya*, XIII. 174, который, хотя и сочувственно относится к *Ихья'*, заявляет, что оно содержит много «странных» (*ghara'ib*) и «неодобряемых» (*munkarat*) хадисов, а также другие, являющиеся апокрифическими (*mawdu'*); он приводит мнение великого *мухаддиса* Ибн ас-Салаха как совпадающее с этим - цит. у Badawi, 517. Аз-Захаби в *Siyar a'lam al-nubala'* - цит. у Badawi, 539 - придерживается сходного взгляда: «В нём содержится некоторое число ложных хадисов» (*fih min al-ahadith al-batila jumla*). Субки, замечая, что Газали никогда не достиг совершенства в этой области - *wa-lam yatta'fiq lahu al-riwaya*, *Tabaqat*, IV. 109, - приводит длинный список слабых хадисов, найденных в *Ихья'*; Subki, IV. 145–182, из которых pp. 179–182 относятся к *Поминовению*.

⁶⁷ *li-jawazihi fi'l-tarhib wa'l-tarhib* - «в силу допустимости этого при побуждении к добру и устрашении»: Tashkoprüzade, *loc. cit.*; Safadi, I. 276; ср. Ibn Kathir, *loc. cit.*, I. 8. Об этом принципе, хорошо известном учёным

В другой спорной области - буквального или символического толкования традиционных учений о Последней жизни - Имам лишь редко подвергался критике. Ибо переплетение Газали внешних наук ('*улум аль-му'амала*) с науками, касающимися духа ('*улум аль-мукашафа*), постоянно обусловлено верой в то, что эти два знания находятся в иерархическом отношении. Простые люди (*аль-‘авамм*), живущие лишь внешними формами религии, ниже избранных (*аль-хавасс*), которые соединили оба знания⁶⁸. Цитируя предание «Говорите с людьми в соответствии с их пониманием», он утверждает, что обычному человеку нельзя говорить о некоторых метафизических истинах, которые могут быть достигнуты только через «вкушение» и в которых значение слов преобразуется. Как он повторяет: «Разглашение тайны Господства есть неверие»⁶⁹.

«Поминовение» написано на уровне понимания, разделяемого большинством человечества. Нигде в нём нет следа эзотерического символизма. Наказание в могиле, Весы, Мост и все черты эсхатона являются буквальным фактом по откровению. То, что вера Газали в это была страстной, показывает богословская полемика, созданная в тот же период, где он недвусмысленно утверждает, что «человек, отрицающий существование телесного наказания в Последней жизни... должен считаться неверующим»⁷⁰. Но в «Книге покаяния» из «Возрождения» он говорит, что мир Атрибутов ('*алам аль-малакут*⁷¹) не может быть истолкован в материальном мире ('*алам аль-мульк*) без обращения к метафоре (*амсаль*)⁷². Очевидно для всех, замечает он, что толковать такие утверждения, как предание: «Сердце верующего находится между двумя пальцами Всемилостивого Бога»⁷³, в том смысле, будто Бог может обладать действительными пальцами и рукой, могло бы быть только плодом невежественного ума. «И подобным же образом, - продолжает он, -

может быть, что в вопросах, касающихся Последней жизни, используются метафоры, которые безбожник (*мульхид*) отвергает из-за неподвижности своего взгляда на внешний облик метафоры и на то, что кажется ему её несообразностью. Например, Пророк, да благословит его Бог и дарует ему мир, сказал: “В День Воскресения смерть будет приведена в образе белого барана, который затем будет заколот”⁷⁴. Глупый безбожник гневается, отвергает это и делает из этого вывод, что пророки лгали, говоря: “Боже правый! Смерть есть акциденция ('*арад*), а баран - тело; как же акциденция может стать телом? Разве это не невозможно?” Но Бог - да будет Он превознесён! - лишил этих глупцов знания Своих тайн, сказав: “*Но разумеют их только сведущие.*”⁷⁵. Несчастный бедняга не понимает, что кто-нибудь вполне может сказать: “Я видел во сне, как привели белого барана”, - и ему ответят:

усуль аль-хадис, см. также al-Nawawi, *Sharh mathn al-Arba'in al-Nawawiya*, у Pouzet, p. 12 (арабский текст), повторено у того же автора в *al-Tibyan fi 'ulum al-Qur'an*, 17: «Улемы единодушны в законности использования слабых хадисов в области добродетельных дел (*fada'il al-a'mal*)».

⁶⁸ *Ijam al-'awamm 'an 'ilm al-kalam*, 91.

⁶⁹ K. *al-Imla' fi ishkalat al-lhya'*, 54.

⁷⁰ *Faysal*, 191.

⁷¹ Об этом см. ниже, p. 150n.

⁷² *Ихья'*, IV. 20; немецкий перевод Gramlich, p. 63.

⁷³ Муслим, *Qadar*, 17; *Ихья'*, IV. 21; Gramlich, 64, с примечаниями.

⁷⁴ Бухари, *Tafsir Surat Maryam*, 1; Муслим, *Janna*, 50. Ср.: Suyuti, *al-Hawi*, I. 95–96 (K. *Raf' al-sawt fi dhabh al-tawt*); Gramlich, 64n.

⁷⁵ Коран, XXIX:43. Полный текст гласит: «Эти притчи Мы приводим людям, но разумеют их только сведущие».

“Это означает чуму, сошедшую на землю”. “И он был заколот”, - продолжил бы он; на что толкователь снов сказал бы: “Ты говоришь правду; дело таково, как ты его увидел. Это означает, что чума прекратится и больше не вернётся, ибо когда вещь заколота, ей приходит конец”. Здесь толкователь прав, веря ему, а сам он прав в том, что видит...»⁷⁶

Для Газали нет противоречия между таким символическим толкованием и строгой буквальностью, которую он отстаивает в других местах⁷⁷. Бог пожелал, чтобы люди не постигали Его одинаково. Хотя может существовать только одно фактическое описание того, что лежит за пределами смерти, это описание будет истолковываться по-разному, будучи ограниченным теми пределами, которые присущи человеческой речи⁷⁸. Поэтому образы Последней жизни, дарованные через пророков, будучи подлинными, покрывают и указывают на дальнейшее измерение истины⁷⁹.

Это понимание наиболее ясно раскрывается в другом месте «Возрождения», где Газали делит человечество на четыре категории⁸⁰. Во-первых, это «погибшие» (*аль-халикун*) - «те, кто полностью отдался миру, отверг Бога и Его пророков» и кто навеки останется в адском огне. Во-вторых, это «наказуемые» (*аль-му'аззабун*) - «те, кто имеет основу веры, но не поступал в соответствии с ней» и кто будет пребывать в Аду до тех пор, пока пророки, посланные к их соответствующим общинам, не заступятся за них. Затем идёт категория «спасённых» (*ан-наджун*), состоящая из тех, у кого нет ни добрых, ни злых дел, за которые они могли бы быть справедливо призваны к ответу, - «таких как безумцы, дети неверующих и те, до кого никогда не дошёл пророческий призыв»; им предстоит занимать промежуточное место, известное как *аль-А'раф*⁸¹. Наконец, есть «победившие» (*аль-фа'изун*) - это «владыки правой стороны» (*асхаб аль-ямин*), восхваляемые в Коране⁸²; их обитель -

⁷⁶ *Ихья'*, *loc. cit.*

⁷⁷ Здесь следует упомянуть *Mizan al-'amal*, этический трактат, приписываемый Газали, в котором содержится прямое отрицание телесного воздаяния и наказания после смерти (pp. 15–16). Однако, согласно Montgomery Watt, «*Mizan* представляет собой неразумную компиляцию из весьма различных источников» (“The Authenticity”, p. 39), и этот приговор, хотя недавно и оспоренный М. Sherif в его *Ghazali's Theory of Virtue*, 170–176, может быть сохранён. Хотя представляется, что труд содержит примесь подлинного газалиевского материала, упомянутое выше утверждение слишком далеко от обычной позиции Газали, чтобы его можно было принять как надёжный показатель его взглядов.

⁷⁸ Глава VII настоящего труда развивает эту тему, предполагая три «степени веры», от буквальной до частично аллегорической: все они «лежат в области возможности» и являются правильными. Однако учение должно быть принято простым принятием (*таклид*) авторитета откровения, ибо тех, «кто знает это через осуществление (*тахкик*)», немного. См. ниже, pp. 139–140.

⁷⁹ Это не обязательно рассматривалось как позднейшее развитие. Ср. изречение, приписываемое Ибн 'Аббасу: «В Раю нет ничего из вещей этого мира, кроме их названий» - Musaddad ibn Musarhad, *al-Musnad*, цит. у Ibn Hajar al-'Asqalani, *al-Matalib al-'Aliya bi-zawa'id al-Masanid al-Thamaniya*, IV. 404, no. 4692. Подробнее об этом *асаре* см.: Asin Palacios, *Escatologia*, 213. О символических толкованиях эсхатологии см. там же, 212–217 и *passim*; L. Massignon, *La Passion d'al-Hallaj*, I. 682–698.

⁸⁰ *Ихья'*, IV. 21–28; Gramlich, 67–80.

⁸¹ Об этом см.: Asin Palacios, *Escatologia*, 129–133, 180; Smith and Haddad, 90–91; Khalid, 335–339; Bayhaqi, *Ba'th*, 104–109. Согласно одному хадису - у al-Tabarani, *al-Mu'jam al-Awsat*, цит. у al-Haythami, *Majma' al-zawa'id wa-ta'ribat al-fawa'id*, X. 378, - обитатели *аль-А'раф* в конце концов войдут в Рай через заступничество Благословенного Пророка.

⁸² Коран, LVI:8.

Рай, и среди них есть меньший круг избранных - «приближённые» (*аль-мукаррабун*), благословлённые блаженным видением⁸³.

То, с чем встретятся эти люди, лежит за пределами языка (*уџаџизу хадд аль-баян*). То, что возможно сказать, уже сказано в Коране, ибо нет речи выше речи Бога. А то, что не может быть выражено в этом мире, заключено в Его словах - велик Он и славен: «Я приготовил для Моих праведных рабов то, чего не видел ни один глаз, чего не слышало ни одно ухо и что никогда не приходило на ум смертному человеку»⁸⁴. Эта степень составляет устремление гностиков (*аль-'арифун*). Цель гностика - достичь этой степени, которую смертный ум в этом мире не способен вообразить. Что же касается гурий и дворцов, плодов, молока и мёда, вина, драгоценностей и браслетов, то эти люди не питают к ним стремления и не нашли бы в них наслаждения, даже если бы всё это было им даровано. Они ищут лишь блаженства созерцания благородного Лика Бога - да будет Он превознесён! - что и есть высшее счастье и величайшая из радостей⁸⁵.

⁸³ Некоторые замечания об этом учении о Видении (*ру'йа*) можно найти в примечаниях на pp. 250–252 этой книги.

⁸⁴ Бухари, *Tawhid*, 35; Муслим, *Janna*, 4. Ср. Коран, XXXII:16–17: «Те, которые покидают свои ложа, чтобы взывать к своему Господу в страхе и надежде, и расходуют из того, чем Мы их наделили, - ни одна душа не знает, какая радость очей [*qurrat a'yun*] сокрыта для них в награду за то, что они совершали».

⁸⁵ *Ихья'*, IV. 28; Gramlich, 79–80.

Аль-Газали

Поминовение смерти и Последней жизни

Китаб зикр аль-маут ва-ма ба'даху
Книга XL из «Возрождения религиозных наук»
Ихья' 'улум ад-дин

Десятая книга о спасительных добродетелях
и заключение книги «Возрождение религиозных наук»¹

Во имя Бога, Милостивого и Милосердного

Хвала Богу, Который смертью сокрушил выи тиранов, ею же сломил хребты царей Персии, ею же пресёк надежды кесарей, сердца которых долго отвращались от поминовения смерти, пока не пришло к ним истинное обещание и не низвергло их в бездну. Из высочайших дворцов перешли они в глубочайшие могилы²; из света колыбели - во мрак гробницы. От забав со служанками и отроками перешли они к тому, чтобы питать собою насекомых и червей; от наслаждения яствами и питьём³ - к погружению в прах; от приветливости собраний - к заброшенности одиночества; от мягкого ложа - к скорбной погребели.

Посмотри же: нашли ли они силу и защиту⁴ от смерти? *А сколько Мы погубили до них поколений, - разве чуешь ты хоть одного из тех и слышишь от них шорох?*⁵

Слава же Тому, Кто единственен во власти и могуществе; Кто одному Себе присвоил право на вечность; Кто унизил все творения гибелью, которую предписал им; Кто затем сделал смерть искуплением для богобоязненных и обещанием встречи для них. Могилу Он сделал темницей для обречённых, тесной узницей для них до Дня Решения и Суда. Ему принадлежит власть даровать явные милости и мстить неодолимыми деяниями воздаяния. Ему - благодарение на небесах и на земле; Ему - хвала в мире прежнем и в Последней жизни.

Да будут многочисленные благословения и обильнейшие приветствия ниспосланы Мухаммаду - обладателю ясных чудес и очевидных знамений, - а также его Семье и Сподвижникам.

Итак, тому, для кого смерть есть гибель, земля - ложе, червь - близкий собеседник, Мункар и Накир - товарищи, могила - обитель, недра земли - место покоя, Воскресение - назначенный срок, а Рай или Ад - конечный удел, надлежит не иметь ни мысли, ни воспоминания, кроме мысли о смерти. Не должно быть у него ни готовности, ни замысла, кроме готовности к ней; и всякое его ожидание, всякая забота, всякое усилие, всякое чаяние и предвкушение должны быть обращены лишь к ней

¹ Этот заголовок отсутствует в рукописи Z.

² В рукописях MA и A: «из дворцов - в могилы».

³ Слова «и пить» отсутствуют в рукописи Z.

⁴ Слова «и защиты» отсутствуют в рукописи Z.

⁵ Коран, XIX:98.

одной. Достоинно ему считать себя уже среди умерших и видеть себя одним из обитателей могил. Ибо всё грядущее - близко; далёким же является лишь то, что никогда не приходит.

Мункар и Накир - ангелы, которые допрашивают только что умершего. См. ниже, главу VII; также А. Wensinck, статья "Munkar wa-Nakir" в *SEI*, 411–412; Gardet, *Pensée*, 102n.

Пророк - да благословит его Бог и да дарует ему мир - сказал: «Разумен тот, кто судит самого себя и трудится ради того, что последует за смертью»⁶. Подготовка к чему-либо не бывает лёгкой, если память об этом постоянно не обновляется в сердце; а это совершается лишь через напоминание себе, через внимательное созерцание того, что вызывает это воспоминание, и через обращение взора к тем вещам, которые свидетельствуют о нём. О деле смерти - с её предвестиями и последствиями, о состояниях будущего мира, о Воскресении, о Рае и Аде - мы упомянем то, что раб Божий должен вновь и вновь приводить себе на память и хранить при себе в мысли и размышлении, чтобы это побуждало его к готовности. Ибо путь к тому, что следует за смертью, уже близок; от жизни осталось лишь малое, но люди пребывают в беспечности. *«И придет опьянение смерти по истине: вот от чего ты уклонялся!»*.⁷

Мы изложим то, что относится к смерти, в двух частях.

Часть первая. О предвестиях и последствиях смерти до трубного гласа

Состоит из восьми глав.

Глава первая. О достоинстве, заключённом в поминовении смерти, и о побуждении помнить о ней.

Глава вторая. О долгих и кратких надеждах.

Глава третья. О муках и силе смерти, а также о состояниях, предпочтительных при её наступлении.

Глава четвёртая. О смерти Посланника Божия - да благословит его Бог и да дарует ему мир, - и праведных халифов после него.

Глава пятая. Об изречениях халифов, правителей и праведников при приближении смерти.

Глава шестая. Об изречениях святых на похоронах и кладбищах, а также о правовом суждении относительно посещения могил.

Глава седьмая. Об истинной природе смерти и о том, что претерпевает умерший в могиле до трубного гласа.

Глава восьмая. О состояниях умерших, познанных через раскрытие в сновидениях.

⁶ Ат-Тирмизи, *Кийама*, 25; Ибн Маджа, *Зухд*, 21.

⁷ Коран, L:19.

Глава первая. О поминовении смерти и о побуждении вспоминать её обильно

Знай, что сердце человека, поглощённого этим миром, преданного его суетам и питающего любовь к его вождениям, неизбежно бывает небрежно к поминовению смерти. Поэтому, не вспоминая её сам, он, когда ему напоминают о ней, находит это отвратительным и отстраняется. Таковы те, о ком Бог сказал: *«Всякая душа вкушает смерть, и вам сполна будут даны ваши награды в день воскресения. И кто будет удален от огня и введен в рай, тот получил успех. А ближайшая жизнь - только пользование обольщением»*⁸.

Люди бывают трёх родов: поглощённые миром, кающиеся начинающие и достигшие гностики. Поглощённый миром не вспоминает смерти; а если и вспоминает, то лишь с сожалением о своём мире, и занят тем, что порицает смерть. Такому поминовение смерти не прибавляет ничего, кроме удалённости от Бога.

Кающийся человек часто вспоминает смерть, чтобы из сердца его исходили страх и опасение, доводя его покаяние до полноты. Быть может, он боится смерти из опасения, что она унесёт его прежде, чем его покаяние станет совершенным и прежде, чем его припасы для пути будут восполнены. В этом отвращении к смерти он извинителен и не подпадает под слова Пророка - да благословит его Бог и да дарует ему мир: *«Кто ненавидит встречу с Богом, того и Бог ненавидит встретить»*⁹. Такой человек ненавидит не смерть и не встречу с Богом, но боится, что встреча с Богом застанет его в состоянии недостатка и небрежения. Он подобен тому, кто задерживается перед встречей с возлюбленным, занятый приготовлением к ней так, чтобы явиться в достойном виде: такого не считают не желающим встречи. Отличительный знак кающегося - постоянная готовность к этому делу и отсутствие иной заботы. Если же он не таков, то он близок к человеку, поглощённому миром.

Что же касается гностика, то он помнит смерть постоянно, ибо для него она - назначенная встреча с Возлюбленным; а любящий никогда не забывает назначенного часа встречи с тем, кого любит. Обычно такой человек считает, что смерть медлит, и радуется её приходу, чтобы покончить с обителью грешников и быть перенесённым в присутствие Господа миров.

В исламском контексте поминовение смерти и вера в ничтожность этого мира традиционно ограничивались запретом на *tamanni al-mawt* - "желание смерти". Ср. слова Пророка, переданные в хадисе: "Пусть никто из вас не желает смерти" - Бухари, *Marda*, 19. Газали в другом месте пишет (*Ихья'*, IV, 270; пер. Gramlich, 669), что "познание (*ma'rifa*) становится совершеннее, если жизнь человека долга, благодаря постоянному размышлению, борьбе с низшей душой и освобождению от мирских привязанностей... а всё это требует времени".

Так было с Хузайфой, о котором передают, что, когда смерть пришла к нему, он сказал: «Дорогой друг пришёл во время бедности. Кто каётся в такой час, не преуспееет. О Господи Боже! Если Ты знаешь, что бедность мне милее богатства, болезнь - дороже здоровья, а смерть - желаннее жизни, облегчи мне мою смерть, пока я не встречу Тебя».

⁸Коран, 3:185.

⁹ Аль-Бухари, *Рикак*, 41; Муслим, *Зикр*, 14.

Итак, кающемуся человеку может быть прощительно его отвращение к смерти, тогда как другому прощительна любовь к ней и тоска по ней. Но выше их обеих степень того, кто вверил своё дело Богу - да будет Он превознесён! - и уже не предпочитает для себя ни смерти, ни жизни, ибо дороже всего ему то, что более любимо перед его Господом. Силою глубокой любви и верности такой человек достиг стоянки полного предания и довольства, а это и есть цель и крайний предел.

Но каково бы ни было состояние человека, в поминовении смерти заключены награда и достоинство. Даже поглощённый миром получает от него пользу, приобретая отвращение к этому миру, ибо оно нарушает его довольство и полноту его наслаждения; а всё, что портит человеку его удовольствия и страсти, есть одно из средств избавления.

Разъяснение превосходства поминовения смерти, каким бы способом оно ни совершалось

Посланник Божий - да благословит его Бог и да дарует ему мир - сказал: «Часто вспоминайте Разрушительницу наслаждений»¹⁰, - имея в виду: «Делайте через это наслаждения горькими для себя, пока склонность ваша к ним не будет сломлена и вы не посвятите себя Богу - да будет Он превознесён!» И сказал он также - да благословит его Бог и да дарует ему мир: «Если бы полевые звери знали о смерти то, что знает сын Адама, вы не нашли бы среди них ни одного тучного животного для еды»¹¹.

‘Аиша - да будет Бог доволен ею - сказала: «О Посланник Божий! Будет ли кто-нибудь воскрешён вместе с мучениками?» Он ответил: «Да. Тот, кто вспоминает смерть двадцать раз за день и ночь»¹². Вся причина этого достоинства состоит в том, что поминовение смерти неизбежно рождает отвращение к обители обольщения и требует приготовления к Последней жизни, тогда как беспечность в отношении смерти зовёт к погружению в мирские желания.

Пророк - да благословит его Бог и да дарует ему мир - сказал: «Смерть - драгоценный дар верующему»¹³. Это сказано потому, что «мир - темница верующего»¹⁴, где он непрестанно пребывает в трудности из-за страдания от страстей своей души, борьбы со своими желаниями и отражения своего шайтана. Смерть для него - освобождение от этого мучения, и потому это освобождение есть «драгоценный дар».

[Каждому человеку приставлены ангел и дьявол: ангел - как средство его наставления, дьявол - как средство его искушения. (Муслим, «Тауба», 62, 63)]

И сказал Пророк - да благословит его Бог и да дарует ему мир: «Смерть - искупление для каждого мусульманина»¹⁵. Этим он имел в виду истинного мусульманина и искреннего верующего, от языка и руки которого мусульмане находятся в безопасности, в котором осуществились качества верующих и который не был осквернён ничем, кроме самых малых и незначительных грехов. От

¹⁰. Ат-Тирмизи, *Кийама*, 26; ан-Насаи, *Джанаиз*.

¹¹ Аль-Куда’и, № 314; Абу Ну’айм, VI, 392; Ваки’, I, 285; Ибн аль-Мубарак, передача Ну’айма ибн Хаммада, 38

¹² Ат-Табарани, *аль-Му’джам аль-аусат*; см.: ас-Суюти, *Шарх*, 20.

¹³. Аль-Хахим, IV, 319; ат-Табарани, *аль-Му’джам аль-кабир*; см.: аль-Хайсами, *Маджма’*, III, 209 и далее

¹⁴ Известный хадис Пророка; Муслим, *Зухд*, 1.

¹⁵. Аль-Куда’и, I, 133; Абу Ну’айм, II, 312.

них он очищается смертью, которая искупает его после того, как он избегал великих грехов и исполнял обязательные предписания религии.

‘Ата’ аль-Хурасани однажды сказал: «Посланник Божий - да благословит его Бог и да дарует ему мир - проходил мимо собрания, из которого доносился смех. “Нарушите ваше собрание воспоминанием о Разрушительнице наслаждений”, - сказал он. “А что такое Разрушительница наслаждений?” - спросили они. “Смерть”, - ответил он»¹⁶.

Согласно Анасу - да будет Бог доволен им, - Посланник Божий - да благословит его Бог и да дарует ему мир - сказал: «Обильно вспоминайте смерть, ибо воспоминание о ней стирает грехи и делает человека воздержанным в мире»¹⁷.

И сказал он также - да благословит его Бог и да дарует ему мир: «Достаточно смерти как разделительницы»¹⁸, - и ещё: «Достаточно смерти как увещательницы»¹⁹.

Однажды Посланник Божий - да благословит его Бог и да дарует ему мир - вышел к мечети и увидел группу людей, беседующих и смеющихся. «Вспоминайте смерть!» - сказал он. «Клянусь Тем, в Чьей руке моя душа: если бы вы знали то, что знаю я, вы мало смеялись бы и много плакали»²⁰.

Однажды в присутствии Пророка - да благословит его Бог и да дарует ему мир - упомянули одного человека и стали много хвалить его. «А каков ваш товарищ в поминовении смерти?» - спросил он. «Мы почти не слышали, чтобы он упоминал её», - ответили они. Тогда он сказал: «Значит, ваш товарищ не таков, как вы говорите»²¹.

Ибн ‘Умар - да будет Бог доволен им - сказал: «Однажды я пришёл к Пророку - да благословит его Бог и да дарует ему мир - вместе с десятью людьми. Один человек из ансаров спросил: “Кто из людей самый разумный и самый щедрый, о Посланник Божий?” Он ответил: “Тот, кто усерднее всех вспоминает смерть и лучше всех готовится к ней. Они и есть разумные: они обрели честь этого мира и достоинство будущего”»²².

Теперь обратимся к преданиям.

[*Асар* - предания ранних мусульман, обычно отличающиеся в сочинениях Газали от *ахбар*, то есть преданий, приписываемых Пророку].

Аль-Хасан - да помилует его Бог Всевышний - сказал: «Смерть обнажила пороки мира и не оставила радости ни одному мыслящему человеку».

Ар-Раби’ ибн Хусайм сказал: «Нет ничего сокровенного, чего ожидает верующий, что было бы лучше смерти». Он также говорил: «Пусть никто не знает обо мне; бросьте меня к моему Господу». Один философ написал своему брату: «О брат мой! Берегись смерти в этой обители, прежде чем отправишься в обитель, где ты будешь желать смерти, но не найдёшь её».

Когда при Ибн Сирине упоминали смерть, все органы его тела словно лишались жизни.

‘Умар ибн ‘Абд аль-‘Азиз каждую ночь собирал вокруг себя законовевдов, и они напоминали друг другу о смерти, Воскресении и Последней жизни, пока не раздражались плачем, словно на похоронах.

¹⁶ Ат-Табарани, *аль-Му’джам аль-аусат*; см.: аль-Хайсами, *Маджма’*, X, 308

¹⁷ Ибн Аби-д-Дунья, *Китаб аль-Маут*; см.: аз-Забиди, X, 228; ас-Суюти, *Джами’*, II, 208.

¹⁸ Ибн ас-Сунни, 164; Ибн Аби-д-Дунья, *Китаб аль-Бирр ва-с-сила*; см.: аз-Забиди, X, 220.

¹⁹ Аль-Куда’и, III, 302; ат-Табарани, *аль-Му’джам аль-аусат*; см.: аль-Хайсами, *Маджма’*, X, 308; Ибн ас-Сунни, 164.

²⁰ Ибн Ханбаль, *Зухд*, 14, 182; аль-Баззар, *аль-Муснад*; см.: аль-Хайсами, *Маджма’*, III, 55.

²¹ Ибн Ханбаль, *Зухд*, 24; Ибн аль-Мубарак, 90; Абу Ну’айм, VII, 299; аль-Баззар, *аль-Муснад*; см.: аль-Хайсами, *Маджма’*, X, 309.

²² Ат-Табарани, *ас-Сагир*, I, 87; аль-Хаким ат-Тирмизи, 125–126

Ибрахим ат-Тайми сказал: «Две вещи отсекали меня от наслаждений этого мира: поминовение смерти и воспоминание о стоянии перед Богом - велик Он и славен!» [То есть - в День Суда].

Ка'б сказал: «Для того, кто сознаёт смерть, бедствия и заботы мира²³ становятся ничтожными».

Мутарриф сказал: «Однажды во сне я увидел, как некто в самом центре мечети Басры возглашал: “Поминовение смерти сокрушило сердца богобоязненных. Клянусь Богом, вы видите их лишь в состоянии потрясённости”».

Абу Аш'ас сказал: «Мы приходили к аль-Хасану, и речь его была только об Аде, Последней жизни и поминовении смерти».

Сафия - да будет Бог доволен ею - рассказала об одной старой женщине, которая однажды пожаловалась 'Аише - да будет Бог доволен ею - на ожесточение своего сердца. «Часто вспоминай смерть, - сказала она ей, - и сердце твоё смягчится». Та так и сделала, и сердце её действительно стало мягким. Тогда она пришла поблагодарить 'Аишу - да будет Бог доволен ею.

Когда Давуд - мир ему - вспоминал смерть и Воскресение, он плакал, и суставы его словно разъединялись; когда же он вспоминал атрибут Милости, он вновь приходил в себя.

Аль-Хасан сказал: «Я никогда не видел разумного человека, не находя его настороженным перед смертью и опечаленным ею».

'Умар ибн 'Абд аль-'Азиз сказал одному из своих учёных: «Увещевай меня». Тот ответил: «Ты не будешь первым халифом, который умрёт». «Скажи мне ещё», - попросил он. Тот сказал: «Среди твоих предков от Адама нет ни одного, кто не вкусил бы смерти; теперь пришёл твой черёд». И тогда 'Умар заплакал.

Ар-Раби' ибн Хусайм вырыл могилу в своём доме и каждый день ложился в неё, чтобы этим средством непрестанно помнить смерть. Он обычно говорил: «Если бы поминовение смерти покинуло моё сердце хотя бы на один час, оно испортилось бы».

Мутарриф ибн 'Абд Аллах ибн аш-Шиххир сказал: «Эта смерть поистине испортила наслаждение тем, кто ищет наслаждений; так ищите же то наслаждение, в котором нет смерти».

'Умар ибн 'Абд аль-'Азиз однажды сказал 'Анбасе: «Обильно вспоминай смерть: если жизнь твоя легка, она сделает её тяжёлой; а если жизнь твоя тяжела, она сделает её лёгкой».

Абу Сулайман ад-Дарани сказал: «Однажды я спросил Умм Харун, любит ли она смерть. “Нет”, - ответила она. “Почему?” - спросил я. Она сказала: “Если бы я послушалась человека, я не желала бы встретить его. Как же могу я желать встречи с Ним, когда я послушалась Его?”»

Разъяснение способа пробудить воспоминание о смерти в сердце

Знай, что смерть - дело страшное и величайшей опасности исполненное. Беспечность, с которой люди относятся к ней, есть следствие лишь их недостаточного размышления о ней и недостаточного её поминовения. Даже тот, кто вспоминает её, делает это не свободным сердцем, но сердцем, занятым желаниями этого мира; поэтому воспоминание о смерти не оказывает спасительного действия на его сердце.

Путь же здесь таков: раб должен очистить своё сердце от всего, кроме воспоминания о гибели, стоящей перед ним, подобно тому как человек, намеревающийся отправиться в опасное путешествие в пустынное место или выйти в море, не думает ни о чём ином. Когда воспоминание о

²³ Слова «бедствия и» отсутствуют в рукописи Z.

смерти коснётся его сердца и начнёт производить в нём действие, довольство миром и наслаждение им ослабеют, а сердце его сокрушится.

Самый плодотворный способ достичь этого состоит в том, чтобы часто вспоминать тех из своих ровесников и товарищей, кто ушёл прежде него. Пусть он размышляет об их смерти и истлении под землёй; пусть вспоминает, какими они были в прежних положениях и обстоятельствах; пусть созерцает, как земля ныне уничтожила красоту их обликов, как части их тела рассеялись в могилах, как они оставили жён вдовами, а детей сиротами; как лишились имущества, как мечети и собрания опустели без них, как сами следы их были стёрты.

И в той мере, в какой человек вспоминает другого, ясно представляет себе его состояние и то, как он умер; воображает его облик; вспоминает его бодрость, его хождение туда и сюда, его заботу о жизни и продолжении её, его забвение смерти; вспоминает, как он был обольщён благоприятными средствами своего существования, как полагался на силу и молодость²⁴, как склонялся к смеху и забаве, как был беспечен к близкой смерти и скорому уничтожению, стоявшим перед ним; как он ходил туда и сюда, а теперь его стопы и суставы истлели; как он говорил, а теперь червь пожрал его язык; как он смеялся, а теперь прах съел его зубы; как он устраивал для себя то, что не понадобилось бы ему и через десять лет, тогда как между ним и смертью оставался лишь месяц, а он не знал, что было предначертано ему, пока смерть не пришла в час, которого он не предполагал, и образ Ангела не предстал перед ним, и зов не ударил в его уши - либо к Раю, либо к Аду, - в этот час человек увидит, что он подобен им, что его беспечность подобна их беспечности, и что его конец будет таким же, как их конец.

Абу-д-Дарда' - да будет Бог доволен им - сказал: «Когда вспоминаешь умерших, считай себя одним из них».

Ибн Мас'уд - да будет Бог доволен им - сказал: «Счастлив тот, кто извлекает назидание из участи другого».

'Умар ибн 'Абд аль-'Азиз сказал: «Разве вы не видите, что каждый день, утром и вечером, вы снаряжаете путника к Богу - велик Он и славен! - помещая его в расселину земли? Он взял прах себе подушкой, оставил позади любимых и отделился от средств своего существования».

Держаться этих и подобных мыслей, а также входить на кладбища и видеть больных - вот путь к тому, чтобы обновить поминовение смерти в сердце, пока оно не овладеет им и не станет перед его глазами. Тогда человек почти будет готов к ней и станет избегать мира суеты. Иначе же воспоминание, касающееся лишь поверхности сердца и произносимое сладким языком, принесёт мало пользы в увещании и наставлении. Как бы сердце ни было довольно какой-либо мирской вещью, человеку следует тотчас вспомнить, что с ней неизбежно придётся расстаться.

Однажды Ибн Мутир взглянул на свой дом и возрадовался его красоте. Затем он разразился слезами и сказал: «Клянусь Богом, если бы не смерть, я радовался бы тебе; и если бы не теснота могил, к которым мы идём, мы были бы очарованы этим миром». После этого он зарыдал громко и сильно.

²⁴. В рукописи Z: «власть» / «могущество».

Глава вторая

О долгих надеждах и достоинстве кратких надежд, а также о причине их продления и способе исцеления от него

Достоинство кратких надежд

Посланник Божий - да благословит его Бог и да дарует ему мир - однажды сказал 'Абд Аллаху ибн 'Умару: «Когда наступает утро, не говори себе о вечере; а когда наступает вечер, не говори себе об утре. Возьми из жизни твоей нечто для смерти твоей, и из здоровья твоего - нечто для немощи твоей; ибо, поистине, о 'Абд Аллах, ты не знаешь, каким будет твоё имя завтра».

[На самом деле это наставление Ибн 'Умара Муджахиду, обычно присоединяемое к известному хадису, в котором Пророк говорит: «Будь в мире так, словно ты чужестранец или путник» - Бухари, *Riqaq*, 3. Согласно Ибн Хаджару, несколько необычная заключительная фраза может означать либо «будешь ли ты назван “несчастливым” или “блаженным”», либо «будешь ли ты жив или мёртв» - *Fath al-Bari*, XI. 235].

'Али - да облагородит Бог его лик - передал, что Пророк - да благословит его Бог и да дарует ему мир - сказал: «Две вещи я боюсь за вас более всего: следование страсти и долгие надежды. Ибо следование страсти отвращает от Истины, а долгие надежды и есть сама любовь к этому миру». Затем он сказал: «Воистину, Бог - да будет Он превознесён! - дарует мир и тому, кого любит, и тому, кого ненавидит; но когда Он любит Своего раба, Он дарует ему веру. Воистину, у религии есть свои сыны, как и у мира есть свои сыны; так будьте же с сынами религии и не будьте с сынами мира. Воистину, мир уже двинулся прочь и ушёл, а Последняя жизнь приблизилась и подошла. Воистину, вы пребываете в дне, где есть деяние без расчёта, но вы уже почти пришли к дню, где будет расчёт и не будет деяния»¹.

Умм аль-Мунзир сказала: «Посланник Божий - да благословит его Бог и да дарует ему мир - вышел к людям однажды вечером и сказал: “О люди! Неужели вам не стыдно перед Богом?” Они спросили: “Как это, о Посланник Божий?” Он ответил: “Вы собираете то, чего не съедите; надеетесь на то, чего никогда не достигнете; и строите то, в чём никогда не будете жить”»².

Абу Са'ид аль-Худри сказал: «Усама ибн Зайд однажды купил у Зайда ибн Сабита рабыню за сто динаров с отсрочкой платежа на один месяц. Посланник Божий - да благословит его Бог и да дарует ему мир - услышал об этом и сказал: “Разве вы не удивляетесь Усаме, который платит через месяц после покупки? Поистине, у Усамы долгие надежды! Клянусь Тем, в Чьей руке моя душа: я никогда не закрывал глаз, не думая, что веки мои не сомкнутся вновь прежде, чем Бог возьмёт мой дух; и никогда не открывал их снова, полагая, что закрою их ещё раз прежде, чем умру. И ни разу я не принимал куска пищи, не думая, что не проглочу его прежде, чем смерть перехватит мне горло”.

¹ У Ибн Аби-д-Дуньи в *Кисар аль-амаль* это изречение приписано Пророку; см.: аз-Забида, X, 237; Ибн аль-Джаузи, *'Илал*, I, 329. Первая половина также приводится как пророческое изречение у аль-Кушайри, *Рисала*, I, 440. Однако чаще оно считается высказыванием халифа 'Али; ср.: Ибн Ханбаль, *Зухд*, 162-163; Ибн аль-Мубарак, 86; Абу Ну'айм, I, 76; аль-Халими, III, 395.

² Аль-Куда'и, I, 345; аль-Байхаки, *Шу'аб аль-иман*; см.: аз-Забида, X, 237. Последние три фразы получили довольно широкое распространение; ср., например: Ибн Кутайба, *'Уюн*, III, 331, где они входят в наставление, обращённое Абу-д-Дарда к жителям Дамаска.

Затем он сказал: “О сыны Адама! Если у вас есть разум, то считайте себя среди умерших. Ибо клянусь Тем, в Чьей руке моя душа: *то, что обещано вам, непременно придёт, и вы не спасётесь*”³. Передаётся со слов Ибн ‘Аббаса - да будет Бог доволен ими обоими, [то есть Ибн ‘Аббасом и его отцом], - что Посланник Божий - да благословит его Бог и да дарует ему мир - выходил справиться нужду и затем совершал очищение землёй. [*Тайаммум* - протираание лица и рук чистой землёй, которое в случаях болезни или отсутствия воды может совершаться вместо обычного омовения *вуду*’, требуемого перед большинством актов поклонения. См.: *Ихья*’, I. 116, 121.] «О Посланник Божий, - говорил я [Ибн Аббас] ему, - вода ведь недалеко от тебя». Он отвечал: «Откуда мне знать? Быть может, я не дойду до неё»⁴.

Передаётся, что однажды он взял три прутика: один поставил перед собой, другой - рядом с ним, а третий - на расстоянии. «Знаете ли вы, что это?» - спросил он. Мы ответили: «Бог и Его Посланник знают лучше». Он сказал: «Это - человек; это - срок его жизни; а то - надежда, за которой гонится сын Адама. Но срок его жизни настигнет его прежде, чем он осуществит свою надежду»⁵ [Смысл

этого хадиса не вполне ясен. Возможно, рисунок был таким: вертикальная линия изображала человеческую надежду, внезапно прерываемую смертью.]

И сказал он - да благословит его Бог и да дарует ему мир: «Сын Адама словно окружён девяносто девятью смертями; если они не поразят его, он впадает в старость»⁶.

Ибн Мас‘уд, начертив схему на пыли, сказал: «Это - человек, а вокруг него - пути, которыми смерть может прийти к нему. За ними находится старость, а ещё дальше - его надежда, которую он лелеет, пока эти смерти приближаются к нему. Его схватит та из них, которой будет велено сделать это. Если же они промахнутся, он будет убит старостью, тогда как надежда его всё ещё останется». [Эта

схема напечатана на полях комментария аз-Забиди, очевидно как развитие данного сообщения. По-видимому, она также поясняет следующее предание. Смысл её в целом достаточно ясен; однако для более подробного разбора см. Rosenthal, *Sweeter than Hope*, с. 109.]

И ‘Абд Аллах ибн Мас‘уд сказал: «Однажды Посланник Божий - да благословит его Бог и да дарует ему мир - начертил для нас квадрат, провёл через его середину линию, затем нарисовал другие линии по бокам и ещё одну, выходящую за его пределы. “Знаете ли вы, что это?” - спросил он. Мы ответили: “Бог и Его Посланник знают лучше”. Он указал на линию, проходившую в середине, и сказал: “Это - человек, а это - срок его жизни, который окружает его. Эти, - сказал он, указывая на линии вокруг неё, - случайности, которые хватают его; если одна промахнётся, его схватит другая. А это, - сказал он, указывая на линию, выходящую наружу, - его надежда”»⁷.

Анас сказал: «Посланник Божий - да благословит его Бог и да дарует ему мир - сказал: “Сын Адама может состариться, но две вещи остаются с ним: алчность и надежда”»⁸. В другой версии: «Две вещи остаются в нём молодыми: жадность к богатству и жадность к долголетию»⁹.

³ Абу Ну‘айм, VI, 91. Коранический отрывок взят из Корана, 6:134.

⁴ Ибн аль-Мубарак, 99.

⁵ Ибн аль-Мубарак, 86; Ваки’, II, 436–437.

⁶ Ат-Тирмизи, *Кийама*, 22.

⁷ Аль-Бухари, *Рикак*, 4.

⁸ Ибн Ханбаль, *Муснад*, III, 115; Ибн аль-Мубарак, 87; Ваки’, I, 433.

⁹ Муслим, *Закият*, 115.

И сказал он - да благословит его Бог и да дарует ему мир: «Первые люди этой общины будут спасены достоверностью и отречением, а позднейшие будут погублены алчностью и надеждой»¹⁰.

Говорят, что Иса - мир ему - однажды сел рядом со старцем, который копал землю лопатой. Иса сказал: «О Господи Боже, отними у него надежду». И старец отложил лопату и лёг. Когда прошёл час, Иса сказал: «О Господи Боже, верни ему надежду». Тогда старец поднялся и вновь принялся за своё дело.

Когда же Иса спросил его о том, что с ним произошло, тот сказал: «Пока я работал, душа моя сказала мне: “Сколько ещё ты будешь трудиться, когда ты уже старик?” Тогда я отбросил лопату и лёг. Затем она сказала мне: “Клянусь Богом, тебе надлежит прожить то, что ещё осталось тебе”. Тогда я поднялся и снова взялся за лопату».

Аль-Хасан сказал: «Однажды Посланник Божий - да благословит его Бог и да дарует ему мир - спросил: “Все ли вы желаете войти в Рай?” Они, то есть его Сподвижники, ответили: “Да, конечно, о Посланник Божий!” Тогда он сказал: “Сократите ваши надежды, поставьте ваши смерти перед глазами и стыдитесь Бога должным образом”»¹¹.

В своих молитвах он - да благословит его Бог и да дарует ему мир - обычно говорил: «О Господи Боже! Я прибегаю к Тебе от мирского достояния, которое преграждает благо Последней жизни. Я прибегаю к Тебе от жизни, которая преграждает благо смерти. И я прибегаю к Тебе от надежд, которые препятствуют благим делам»¹².

Из преданий

Мутарриф ибн ‘Абд Аллах сказал:

«Если бы я знал час своей смерти, я опасался бы за свой разум. Аллах оказал Своим рабам великую милость, скрыв от них мысль о смерти. Если бы не это забвение, они не находили бы радости в жизни, и среди них не возникали бы рынки».

Аль-Хасан сказал:

«Забывчивость и надежда - две великие милости, дарованные потомкам Адама. Если бы не они, мусульмане не ходили бы по улицам».

Ас-Саури сказал:

«Я слышал, как говорили: человек создан неразумным; будь он иным, жизнь не доставляла бы ему никакой радости».

Са‘ид ибн ‘Абд ар-Рахман сказал:

«Мир населён лишь благодаря простодушию его обитателей».

Салман аль-Фариси сказал:

«Три вещи удивляют меня так, что я смеюсь: человек, который возлагает надежды на этот мир, тогда как смерть уже ищет его; беспечный, который сам не оставлен без внимания; и тот, кто смеётся во весь рот, не зная, доволен ли им Господь миров или гневается на него».

¹⁰ Ибн Ханбаль, *Зухд*, 16; ат-Табарани, *аль-Му‘джам аль-аусат*; см.: аль-Хайсами, *Маджма’*, X, 286; аль-Хаким ат-Тирмизи, 345.

¹¹ Ибн Ханбаль, *Муснад*, I, 387; ат-Тирмизи, *Кийама*, 24.

¹² Ибн Ханбаль, *Зухд*, 472.

И три вещи печалят меня так, что я плачу: разлука с возлюбленными - Мухаммадом и его общиной; ужас Воскресения; и тот час, когда я предстану перед Аллахом, не зная, куда буду определён - в Рай или в Ад».

Один человек сказал:

«После смерти Зуары ибн Аби Ауфы я увидел его во сне и спросил: “Какие дела оказались для тебя наиболее ценными?” Он ответил: “Упование на Аллаха¹ и краткость надежд”».

Ас-Саури сказал:

«Отречение от мира состоит не в том, чтобы есть грубую пищу или носить шерстяную накидку, а в том, чтобы не растягивать свои надежды далеко вперёд».

Однажды аль-Муфаддаль ибн Фадаля попросил своего Господа отнять у него надежду. И он потерял желание есть и пить. Затем он вновь воззвал к Господу, и Тот вернул ему надежду; тогда он снова стал есть и пить.

Однажды аль-Хасана спросили:

«О Абу Са‘ид! Разве ты не постираешь свою рубаху?»

Он ответил:

«Дело слишком спешное, чтобы заниматься этим».

Аль-Хасан сказал:

«Смерть привязана к вашим чубам, а мир сворачивается позади вас».

Некто сказал:

«Я подобен человеку, который вытянул шею, а над ним уже занесён меч, ожидающий лишь мгновения, когда отсечёт ему голову».

Дауд ат-Таи сказал:

«Если бы я надеялся прожить ещё один месяц, я счёл бы это тяжким проступком. Как могу я надеяться на такое, когда вижу, как беды обрушиваются на людей в каждый час дня и ночи?»

Рассказывают, что однажды Шакик аль-Балхи пришёл к своему духовному наставнику, которого звали Абу Хашим ар-Руммани. Он нёс что-то, завязанное в краю своей одежды.

Наставник спросил:

«Что это у тебя?»

Шакик ответил:

«Миндаль. Один из братьев дал его мне, и я хотел бы, чтобы ты разговелся им».

Тот сказал:

«О Шакик! Неужели ты говоришь себе, что доживёшь до вечера? Да не заговорю я с тобой больше!»

Шакик сказал:

«И он вошёл внутрь и закрыл передо мной дверь».

‘Умар ибн ‘Абд аль-‘Азиз сказал в одной из своих проповедей:

«Для каждого пути нужны припасы. Так возьмите же богобоязненность как припас для вашего пути из этого мира в Последнюю жизнь.

Будьте таковы, будто уже увидели награду и наказание, которые приготовил Аллах: стремитесь и страшитесь. Не позволяйте времени казаться вам долгим, чтобы сердца ваши не ожесточились и чтобы вы не подчинились вашему врагу².

Клянусь Аллахом, человек, который не знает, проснётся ли он к концу ночи и доживёт ли от утра до вечера, не может иметь долгих надежд. Быть может, между этими мгновениями уже скрыты крючья судьбы.

Сколько людей видел я, и сколько видели вы, которые были обмануты этим миром! Но довольство может принадлежать лишь тому, кто уверен в спасении от наказания Аллаха - да будет Он превознесён. Спокоен может быть только тот, кто защищён от ужасов Дня Воскресения.

А человек, который перевязывает одну рану лишь для того, чтобы с другой стороны его постигла новая, - как может он радоваться?

Я прошу у Аллаха защиты от того, чтобы повелевать вам то, от чего сам себя удерживаю. Иначе моя сделка окажется убыточной, мой порок станет явным, и моя нищета откроется в тот День, когда богатство и бедность предстанут во всей своей истинности и когда будут установлены Весы.

На вас возложено такое бремя, что если бы оно было возложено на звёзды, они пали бы; если бы на горы - они растаяли бы; если бы на землю - она раскололась бы.

Разве вы не знаете, что между Раем и Адом нет третьей ступени? И что вы направляетесь либо к одному, либо к другому?»

Один человек написал своему брату:

«Итак. Этот мир - сон, а будущий мир - пробуждение. Между ними лежит смерть. А мы пребываем в спутанных сновидениях. Прощай».

Другой написал одному из своих братьев:

«Печаль в этом мире поистине долга, а смерть всегда близка к человеку. Каждый день приносит ему назначенную долю убыли, пока тление незаметно проходит через его тело. Спешите же, прежде чем тебя призовут к уходу. Прощай».

Саид аль-Хасан сказал:

«До того как Адам - мир ему - совершил свой грех, надежда была у него за спиной, а срок смерти - перед глазами. Но когда он согрешил, положение изменилось: он поставил надежду перед глазами, а срок смерти оказался у него за спиной».¹³

‘Абд Аллах ибн Сумайт сказал:

«Однажды я слышал, как мой отец говорил:

“О человек, обольщённый постоянным здоровьем! Видел ли ты когда-нибудь умершего без причины? О человек, обольщённый долгой отсрочкой! Видел ли ты когда-нибудь того, кого смерть схватила без предупреждения?

Если бы ты поразмыслил о продолжительности своей жизни, ты забыл бы всякое наслаждение, которое прежде испытывал.

Неужели здоровье обмануло тебя? Неужели долгие годы благополучия заставили тебя веселиться? Разве ты в безопасности от смерти? Или ты пренебрегаешь Ангелом смерти?

Когда он явится, его не отвратит от тебя ни царское богатство, ни многочисленность твоей свиты.

Разве ты не знаешь, что смерть - это час скорби и рыданий, час плача о собственной расточительности?

Тогда будет сказано: “Да помилует Аллах того из Своих рабов, кто трудился ради того, что наступает после смерти. Да помилует Аллах раба Своего, который посмотрел на самого себя прежде, чем смерть настигла его”».

Саид Абу Закария ат-Тайми сказал:

¹³ у аль-Халими, III, 386, приводится как изречение Пророка.

«Однажды, когда Сулейман ибн ‘Абд аль-Малик находился в Заповедной мечети [Заповедная мечеть в Мекке, священная мечеть, внутри которой находится Кааба], ему принесли камень с высеченной на нём надписью. Он велел найти того, кто смог бы её прочитать, и к нему привели Вахба ибн Мунаббиха.

На камне было написано:

“О сын Адама! Если бы ты мог увидеть, как краток оставшийся тебе срок, ты отказался бы от своих долгих надежд, возжелал бы умножить свои дела [Как и в нескольких других рассказах этого раздела, здесь используется игра слов, распространённая в аскетической среде: **أجل**(*ajal*) — «срок жизни» или «смерть»; **أمل**(*amal*) — «надежда»; **عمل**(*amal*) — «дело», «поступок».] и оборвал бы свои мечтания и хитрые замыслы.

Завтра скорбь постигнет тебя лишь тогда, когда нога твоя поскользнётся, родные и свита оставят тебя, отец и близкие отрекутся от тебя, сын и родственник отвернутся от тебя. Тогда ты уже не вернёшься к своему земному положению и не сможешь прибавить к своим добрым делам.

Так трудись же ради Дня Воскресения прежде, чем тебя настигнут скорбь и раскаяние”.

Услышав это, Сулейман горько заплакал».

Некто сказал:

«Однажды я видел письмо Мухаммада ибн Юсуфа к ‘Абд ар-Рахману ибн Юсуфу. В нём было сказано:

“Мир тебе. Я восхваляю перед тобою Аллаха, кроме Которого нет иного божества.

Итак. Я предостерегаю тебя относительно твоего перехода из места отсрочки в вечную обитель и относительно воздаяния за твои дела. После пребывания на поверхности земли ты опустишься в её глубины.

Тогда к тебе придут Мункар и Накир², сядут возле тебя и станут спрашивать тебя строго и сурово. Если Аллах будет с тобой, то не будет тебе ни вреда, ни одиночества, ни нужды. Но если будет иначе - да защитит Аллах меня и тебя от дурного исхода и тесной обители!

Затем настигнет тебя Крик собрания, и раздастся трубный глас. Всемогущий начнёт вершить суд над Своими творениями. Земля освободится от своих обитателей, небеса - от своих жителей; всё тайное станет явным, Огонь будет разожжён, Весы установлены, *и приведут пророков и исповедников, и решено будет между ними по истине*¹⁴. *И скажут: ‘Хвала Аллаху, Господу миров!’*¹⁵

Сколько же людей в тот день окажутся опозоренными после того, как были скрыты! Сколько погибнет, и сколько будет спасено! Сколько подвергнется наказанию, и сколько будет помиловано! О, если бы я знал, каково будет в тот День моё положение и твоё!

В этом достаточно того, что отнимает вкус у наслаждений, отвлекает от страстей, обрывает долгие надежды, пробуждает спящего и приводит в чувство беспечного.

Да поможет Аллах нам и тебе перед лицом этой великой опасности. Да поместит Он этот мир и будущий мир в наши сердца так, как они пребывают в сердцах богобоязненных. Ведь мы принадлежим только Ему и живём лишь благодаря Ему.

Прощай”».

¹⁴ Коран XXXIX:69

¹⁵ Коран XXXIX:75.

Однажды ‘Умар ибн ‘Абд аль-‘Азиз произнёс проповедь и, воздав хвалу Аллаху и возвеличив Его, сказал:

«О люди! Вы не были созданы ради забавы и не будете оставлены без цели. Вам предстоит место возвращения, где Аллах соберёт вас, чтобы вынести решение и суд между вами.

Завтра раб окажется побеждённым и униженным лишь в том случае, если Аллах изгонит его из Своей милости, которая объёмлет всякую вещь, и отдалит от Своего Рая, ширина которого подобна небесам и земле.

Завтра безопасность будет только у того, кто боялся Аллаха и трепетал перед Ним; кто продал малое ради многого, тленное ради вечного, несчастье ради блаженства.

Разве вы не видите, что вы принадлежите к тем, кто уйдёт, а после вас останутся другие? Разве вы не видите, что каждое утро и каждый вечер вы провожаете к Аллаху путника, чей срок завершился и чья надежда оборвалась?

Вы кладёте его в глубокую расселину земли - без подушки и без приготовленных удобств. Он оставил средства жизни, расстался с любимыми и теперь стоит перед Расчётом.

Клянусь Аллахом, я произношу эти слова, не зная, есть ли среди вас кто-либо, чьи грехи больше тех, которые, как я знаю, ношу сам. Но это справедливый Божий обычай: я повелеваю повиноваться Ему и порицаю ослушание Его. И я прошу у Аллаха прощения».

Затем он закрыл лицо рукавом и стал плакать, пока борода его не намочила от слёз. И едва он снова сел, как вскоре скончался.

Аль-Ка‘ка‘ ибн Хаким сказал:

«Вот уже тридцать лет я готовлю себя к смерти. Если бы она пришла ко мне сейчас, я не пожелал бы отложить ничего из того, что должен был сделать».

Ас-Саури сказал:

«Однажды я услышал, как старец в мечети Куфы говорил:

“Я прожил в этой мечети тридцать лет, ожидая, когда смерть снизойдёт ко мне. Если бы она пришла теперь, я ничего не стал бы ни требовать от неё, ни запрещать ей. Никто мне ничего не должен, и у меня нет ничего, что принадлежало бы другому”».

‘Абд Аллах ибн Са‘лаба сказал:

«Вы смеётесь, а быть может, белильщик уже закончил работу над вашими саванами!»⁴

Саид Абу Мухаммад ибн ‘Али¹⁶, подвижник, сказал:

«Однажды мы вышли на похороны в Куфе вместе с Даудом ат-Таи. Когда началось погребение, он отошёл в сторону и сел отдельно. Я подошёл и сел рядом с ним.

Он сказал:

“Кто боится Обещанного [الوعيد (*al-wa‘īd*) — «угроза» или «грозное обещание»; здесь — угроза Судного дня, то есть предупреждение о грядущем воздаянии.], тому далёкое становится близким. Кто растягивает свои надежды, у того слабеют дела. Всё, что должно прийти, близко.

И знай, брат мой: всё, что отвлекает тебя от твоего Господа, является для тебя дурным предзнаменованием.

¹⁶ Слова «ибн ‘Али» отсутствуют в рукописи Z.

Знай также: все люди этого мира - будущие обитатели могил. Они будут сожалеть о том, что оставили позади, и радоваться тому, что отравили вперёд. Но то, о чём скорбят обитатели могил, есть то самое, из-за чего люди этого мира спорят, воюют и тяжатся друг с другом перед судьями»». Передают, что Ма'руф аль-Кархи - да помилует его Аллах Всевышний - однажды собирался начать молитву. Мухаммад ибн Аби Тауба сказал:

«Он велел мне выйти вперёд и возглавить молитву. Я сказал: “Если я сейчас проведу для вас эту молитву, то больше никогда не стану вести вас в молитве”».

Ма'руф сказал:

“Неужели ты говоришь себе, что ещё будешь молиться снова? Мы ищем защиты у Аллаха от долгих надежд, ибо они препятствуют добрым делам!”»

В одной из своих проповедей 'Умар ибн 'Абд аль-'Азиз сказал:

«Этот мир - не место вашего окончательного пребывания. Это обитель, которой Аллах предписал исчезнуть, и жителям которой Он предопределил уйти.

Сколько людей, уверенных в себе, вскоре истлеют! Сколько радостных обитателей скоро покинут свои жилища!

Так совершите же ваше путешествие достойно - с помощью лучших средств, какие у вас есть. *И запасайтесь, ибо лучший из запасов - благочестие.*¹⁷

Этот мир - всего лишь тень: она сжимается и исчезает. Пока сын Адама радуется в этом мире и состязается в нём с другими, Аллах призывает его через его срок, поражает его стрелой смерти, лишает имущества и земных благ, так что другие люди овладевают тем, что он построил и приобрёл. Поистине, этот мир не столько радует, сколько причиняет вред: он даёт немного радости, а затем - долгую печаль».

Об Абу Бакре ас-Сиддике - да будет доволен им Аллах Всевышний - передают, что в своих проповедях он часто говорил:

«Где обладатели прекрасных, светлых лиц? Где те, кто радовался своей молодости? Где цари, которые строили города и укрепляли их стенами? Где те, кому даровалась победа на полях сражений?

Время смело их, и они ушли в тени могил.

Так спешите же! Спешите! И спасайтесь! Спасайтесь!»

Разъяснение причины долгих надежд и способа их исцеления

Знай, что у долгих надежд есть две причины: первая - неведение, вторая - любовь к этому миру.

Что касается любви к миру, то когда человек привязывается к нему, к его желаниям, удовольствиям и связям, расставание с ним становится тяжким для его сердца. Поэтому сердце уклоняется от мысли о смерти, ибо смерть есть средство этого расставания. Ведь всякий, кому неприятна какая-либо вещь, отталкивает её от себя.

Человек обольщён пустыми надеждами и постоянно наполняет душу ожиданием того, что соответствует его желаниям. А желаниям его соответствует только одно: чтобы он оставался в этом мире. Поэтому он не перестаёт воображать себе это и рассчитывать на это в душе, вместе со всем,

¹⁷ Коран II:197.

что необходимо для такого пребывания: имуществом, семьёй, жилищем, знакомыми, верховыми животными и прочими средствами жизни, нужными ему в этом мире.

Так сердце его привязывается к этой мысли и уже не может выйти за её пределы. Она отвлекает его от поминания смерти, и он не считает смерть близкой.

Если же при каких-либо обстоятельствах ему приходит на ум смерть и необходимость готовиться к ней, он откладывает дело и даёт себе обещания. Он говорит себе:

«Впереди у тебя ещё много дней. Вот достигнешь зрелости - тогда и покаешься».

Когда он достигает зрелости, он говорит: «Не теперь, а когда состаришься».

Когда же он становится стариком, он говорит: «Вот только закончу строительство этого дома», или: «устрою это хозяйство», или: «вернусь из этого путешествия», или: «завершу устройство этого сына, обеспечу его и устрою ему дом», или: «сначала одолею этого врага, который радуется моим бедам».

Так он непрестанно откладывает и медлит. Он не вступает ни в одно дело без того, чтобы после его завершения перед ним не возникло десять других. Так, шаг за шагом, он откладывает день за днём; одно дело ведёт его к другому, вернее - сразу к нескольким. И так продолжается, пока судьба не похитит его в час, которого он вовсе не ожидал. Тогда скорбь его станет долгой и протяжной.

Чаще всего обитатели Ада будут восклицать: «Потом!» Они будут говорить: «О горе нам из-за этого “потом”!»

Ибо несчастный, откладывающий на завтра, не понимает, что причина, которая сегодня заставляет его отложить дело, останется с ним и завтра. Более того, со временем она станет только сильнее и прочнее.

Он думает, будто человек, погрузившийся в мир и занятый им, когда-нибудь найдёт свободное время. Какое заблуждение! От мира свободен только тот, кто уже отвернулся от него.

Ни у одного человека в нём не исчерпались нужды: одно желание заканчивается только тем, что рождается другое.

Корень всех этих надежд - любовь к миру, привязанность к нему и забвение слов Пророка - да благословит его Аллах и приветствует: «Люби кого хочешь, но ты непременно расстанешься с ним».¹⁸

Что же касается неведения, то оно состоит в том, что человек полагается на свою молодость и думает: смерть не может быть близка, пока он ещё молод.

Этот несчастный не размышляет о том, что если пересчитать стариков в его городе, то их окажется не больше десятой части всех жителей. А их так мало именно потому, что смерть чаще приходит в молодости: на одного умершего старика приходится множество детей и молодых людей, ушедших из жизни.

Или же человек считает смерть маловероятной из-за своего здоровья и не допускает мысли о внезапной смерти. Он не знает, что внезапная смерть вовсе не далека. А даже если бы она и была редкостью, внезапная болезнь редкостью не является. Всякая болезнь приходит неожиданно; а когда она приходит, смерть уже перестаёт казаться далёкой.

¹⁸ Ат-Табарани, *ас-Сагир*, I, 251; аль-Хаким, IV, 325.

Если бы этот беспечный человек поразмыслил и понял, что смерть не имеет установленного времени - ни в юности, ни в зрелости, ни в старости; что она не различает зимы и лета, осени и весны, дня и ночи, - сознание его стало бы яснее, и он занялся бы подготовкой к ней.

Но неведение об этом вместе с любовью к миру побуждает его растягивать надежды и не думать о близости смерти. Он всё время считает, что смерть где-то впереди, но не предполагает, что она может настигнуть его самого, и что вскоре он сам упадёт в её объятия.

Он постоянно представляет себе, что будет провожать похоронные носилки других, но никогда не представляет, что однажды другие будут провожать его собственные носилки. Так происходит потому, что смерть других он видит часто, и это стало для него привычным. А своей собственной смерти он не испытал и потому не может представить, что она постигнет его. Ведь она ещё ни разу с ним не случалась. А когда случится, уже не повторится: она будет первой и последней.

Путь для него таков: пусть он сравнит себя с другими и поймёт, что и его похоронные носилки однажды будут понесены; что и он сам непременно будет положен в свою могилу; и что, быть может, кирпич, которым закроют его могилу, уже изготовлен, хотя он и не знает об этом.

Так откладывание на потом есть чистое неведение.

Когда человек понял, что причина долгих надежд - неведение и любовь к миру, он должен лечить себя, уничтожая эту причину.

Неведение стирается ясным размышлением при бодрствующем сердце, а также слушанием мудрых и красноречивых наставлений, исходящих из чистых сердец.

Что же касается любви к миру, то лекарство, изгоняющее её из сердца, сурово. Это застарелая болезнь, лечение которой затрудняло и прежних, и позднейших людей.

Её лечение возможно только через веру в Последний день, в великое наказание и щедрую награду, которые будут там назначены. Насколько крепка в человеке уверенность в этом, настолько любовь к миру покидает его сердце. Ибо только любовь к великому способна изгладить из сердца любовь к ничтожному.

Когда человек увидит низость этого мира и величайшую ценность будущего, он станет презирать всякое влечение к мирскому, даже если ему будет дана власть над землёй от востока до запада.

Что же тогда сказать о человеке, у которого от этого мира есть лишь малая, мутная и нечистая доля? Как он может радоваться ей и позволять любви к ней укорениться в сердце, если в нём есть вера в Последнюю жизнь?

Мы просим Аллаха - да будет Он превознесён, - чтобы Он дал нам увидеть этот мир таким, каким Он дал увидеть его Своим праведным рабам.

Нет лекарства, которое сильнее побуждало бы сердце размышлять о смерти, чем взгляд на умерших сверстников и товарищей: как смерть пришла к ним в час, которого они не ожидали.

В этот час тот, кто подготовился, *получит великую прибыль*¹⁹. А тот, кто был обманут долгими надеждами, потерпел явный убыток²⁰.

Пусть человек каждый час обращает взор на свои руки, ноги и прочие части тела. Пусть размышляет о том, как неизбежно станут пожирать их черви, и как истлеют его кости. Пусть подумает: с какого зрачка начнут черви — с правого глаза или с левого? Ведь нет в его теле ни одной части, которая не станет пищей для червей.

¹⁹ Коран XXXIII:71.

²⁰ Коран IV:119.

И нет у него ничего, чем он мог бы по-настоящему помочь себе, кроме понимания истины и искреннего дела ради Аллаха — да будет Он превознесён.

Так же пусть он размышляет о том, что мы вскоре изложим: о наказании в могиле, о допросе Мункара и Накира, о собрании творений и воскресении, об ужасах Судного дня и о призыве, который прозвучит в День Великого Предстояния.

Ибо именно такие мысли вновь пробуждают в сердце память о смерти и призывают человека готовиться к ней.

Разъяснение различия между людьми в долгих и кратких надеждах

Знай, что люди в этом отношении занимают разные степени.

Среди них есть такие, кто надеется на бессмертие и всегда желает его. Аллах - да будет Он превознесён - сказал: «...всякий из них захотел бы, чтобы ему дана была жизнь в тысячу лет».²¹

Среди них есть и такие, кто надеется дожить до глубокой старости, до самого долгого возраста, какой они видят среди людей. Это те, чья любовь к миру стала сильной.

Посланник Аллаха - да благословит его Аллах и приветствует - сказал:

«Старик остаётся молодым в любви к миру, даже если от старости у него искривились ключицы, кроме богобоязненных; а их мало»²².

Среди людей есть и такие, чья надежда простирается на год. Они не занимаются тем, что будет после этого. Такой человек не рассчитывает, что проживёт следующий год, хотя летом готовится к зиме, а зимой - к лету. Когда он собирает достаточно на год, он обращается к поклонению.

Есть и такие, чья надежда ограничивается летом или зимой: летом они не запасают одежду для зимы, а зимой - одежду для лета.

Есть среди них люди, чья надежда простирается лишь на день и ночь: они готовятся только к сегодняшнему дню, но не к завтрашнему.

Иса - мир ему - сказал:

«Не заботьтесь о пропитании завтрашнего дня. Если завтра входит в срок вашей жизни, то вместе с ним придёт и ваше пропитание. А если оно не входит в ваш срок, то зачем вам заботиться о времени, которое принадлежит другим?»

Есть среди них и такие, чья надежда не выходит за пределы одного часа.

Наш Пророк - да благословит его Аллах и приветствует - сказал:

«О 'Абд Аллаха!²³ Когда наступит утро, не говори себе о вечере; а когда наступит вечер, не говори себе об утре»²⁴.

Посланник Аллаха - да благословит его Аллах и приветствует - совершал очищение землёй даже тогда, когда мог немного позже достать воду, и говорил:

«Быть может, я не доживу до неё»²⁵.

²¹ Коран II:96.

²² Коран, XXXVIII:25. Хадис приводится у аль-Хакима ат-Тирмизи, 79; Ибн аль-Мубарак, 87.

²³ Ибн 'Умар.

²⁴ См. выше, с. 15.

²⁵ См. выше, с. 16.

Есть среди людей и такие, перед глазами которых смерть стоит так, будто она уже настигла их. Они живут в постоянном ожидании её. Это те, кто молится так, словно прощается с миром.[«Молись молитвой прощающегося». Ибн Маджа, *Зухд*, 15; Ибн Ханбаль, *Муснад*, V, 412.]

О них передаётся рассказ о Му‘азе ибн Джабале - да будет доволен им Аллах Всевышний. Когда Посланник Аллаха - да благословит его Аллах и приветствует - спросил его об истинности его веры, Му‘аз сказал: «Я не делал ни одного шага, будучи уверен, что за ним последует другой».

Рассказывают также об аль-Асваде, эфиопе: когда он совершал ночную молитву, он смотрел направо и налево. Его спросили, что он делает, и он ответил: «Я смотрю, с какой стороны придёт ко мне Ангел смерти».

Таковы степени людей. Каждый человек занимает перед Аллахом особую ступень. Тот, чья надежда ограничивается месяцем, не подобен тому, чья надежда простирается на месяц и один день. Между ними есть различие в степени перед Аллахом. Ибо Аллах не поступает несправедливо даже на вес пылинки: *«И кто совершит добро весом с пылинку, увидит его»*.²⁶

Затем действие кратких надежд проявляется в быстроте дел. Каждый утверждает, что его надежды коротки, но многие лгут: это обнаруживается только в поступках.

Человек может заниматься тем, что понадобится ему лишь через год, и это указывает на долготу его надежд.

Признак Божьего содействия - чтобы смерть стояла у человека перед глазами и чтобы он ни на один час не забывал о ней. Пусть же он готовится²⁷ к смерти, которая придёт к нему в назначенный срок. Если он доживёт до вечера, то возблагодарит Аллаха - да будет Он превознесён - за то, что ему была дана возможность повиноваться Ему. Он порадует, что не дал своему дню пропасть напрасно, а получил из него свою долю и отложил нечто для самого себя. Затем он будет продолжать так же, пока не наступит утро.

Но это возможно только для того, кто освободил сердце от завтрашнего дня и от того, что может произойти завтра.

Когда такой человек умирает, он получает счастье и милость. А пока живёт, он с довольством хорошо готовится и наслаждается тайной близостью с Аллахом. Для него смерть - радость, а жизнь - приобретение.

Итак, о несчастный, пусть мысль о смерти займёт твоё сердце. Путь непрестанно гонит тебя вперёд, а ты всё ещё беспечен к самому себе. Быть может, ты уже приблизился к месту своего прибытия и прошёл большую часть дороги. А оказаться в таком положении следует только тому, кто поспешил к делу и извлёк пользу из каждого дыхания, которое было ему отсрочено.

Разъяснение необходимости спешить к делам и предостережение от недостойности промедления

Знай: если у человека есть два отсутствующих брата, и он ожидает возвращения одного завтра, а другого - через месяц или через год, то он будет готовиться не ко второму, а к тому, чей приход ожидается завтра. Ведь подготовка возникает тогда, когда ожидаемое близко.

²⁶ В рукописи Z: «Поэтому он делает...».

²⁷ В рукописи Z: «Поэтому он делает...».

Так и сердце человека, который ждёт смерти через год, будет занято этим сроком и забудет о том, что придёт после него. Но каждый день, просыпаясь, он снова будет ожидать перед собой целый год, словно прошедший день ничего не убавил из этого срока.

Это будет бесконечно удерживать его от поспешности в добрых делах, потому что он всегда будет видеть перед собой широкий простор времени и потому станет откладывать дела.

Пророк - да благословит его Аллах и приветствует - сказал:

«Чего может ждать каждый из вас от этого мира, кроме богатства, которое ведёт к чрезмерности; или бедности, которая ведёт к забывчивости; или разрушительной болезни; или немощной старости; или скорой смерти; или Антихриста - а Антихрист худшее из того, чего ожидают; или Часа, а Час ужаснее и горьче».²⁸

Ибн 'Аббас сказал:

«Однажды Пророк - да благословит его Аллах и приветствует - наставлял одного человека и сказал ему:

“Воспользуйся пятью вещами прежде пяти других: молодостью - прежде старости; здоровьем - прежде болезни; богатством - прежде бедности; свободным временем - прежде занятости; жизнью - прежде смерти”»²⁹.

Он также сказал - да благословит его Аллах и приветствует:

«Есть две милости, в которых многие люди обмануты: здоровье и свободное время».³⁰

То есть они не пользуются ими должным образом и узнают их цену только тогда, когда лишаются их.

Он также сказал - да благословит его Аллах и приветствует:

«Кто боится, тот выступает в путь ранним утром; а кто выступает ранним утром, тот достигает места стоянки. Поистине, товар Аллаха дорог. Поистине, товар Аллаха - Рай»³¹.

Посланник Аллаха - да благословит его Аллах и приветствует - сказал:

«Первый трубный глас уже пришёл, за ним следует второй; пришла смерть и всё, что с ней связано»³².

Когда Посланник Аллаха - да благословит его Аллах и приветствует - замечал беспечность у своих сподвижников³³, он громко обращался к ним и говорил:

«Ваш удел уже пришёл к вам - неизбежный и неотвратимый: либо с горем, либо со счастьем»³⁴.

Абу Хурайра сказал:

«Посланник Аллаха - да благословит его Аллах и приветствует - сказал:

“Я - предостерегающий; смерть - изменяющая; а Час - место встречи”»³⁵.

Ибн 'Умар сказал:

«Однажды Посланник Аллаха - да благословит его Аллах и приветствует - вышел, когда солнце уже было на верхушках пальм [то есть в конце дня], и сказал:

²⁸ Коран, 54:46. Хадис приводится у ат-Тирмизи, *Зухд*, 3.

²⁹ Ибн аль-Мубарак, 2; Ваки', I, 223–224; аль-Хаким, IV, 306; аль-Халими, III, 379.

³⁰ Аль-Бухари, *Рикак*, 1.

³¹ Ат-Тирмизи, *Кийама*, 18.

³² Ат-Тирмизи, *Кийама*, 23.

³³ В рукописи Z: «в людях»

³⁴ Абу Ну'айм, VII, 304.

³⁵ Аль-Куда'и, II, 156; ат-Табарани, *аль-Му'джам аль-аусат*; см.: аль-Хайсами, *Маджма'*, X, 228.

“От этого мира осталось только столько времени, сколько осталось от этого дня”³⁶.

Он также сказал - да благословит его Аллах и приветствует:

«Подобие этого мира - одежда, разорванная от одного края до другого, но ещё держащаяся за нитку на самом конце. И эта нитка вот-вот оборвётся»³⁷.

Джабир сказал:

«Когда Посланник Аллаха - да благословит его Аллах и приветствует - произносил проповедь, он упоминал Час. Его голос становился громким, щёки краснели, словно он предупреждал людей о приближении войска.

Он говорил:

“Утром и вечером я обращаюсь к вам, тогда как моё посланничество и Час - вот так”.

И он показывал два пальца, сомкнув их вместе» [Хотя близость Конца света — тема, неоднократно встречающаяся в Коране, например 16:77 и 54:1, а также в исламском предании в целом, Коран ясно утверждает, что время его наступления известно одному лишь Аллаху: см. 7:187 и 33:63.

По-видимому, опираясь на предания, переданные аль-Хакимом ат-Тирмизи, аль-Газали в настоящем сочинении говорит, что общий возраст мира не превысит семи тысяч лет; это было распространённым мнением среди улемов.

Необычайно точную и несколько тревожную фетву приводит ас-Суюти: он утверждает, что великие события, предваряющие День суда, должны произойти до окончания пятнадцатого века по хиджре. См.: ас-Суюти, *аль-Кашиф ‘ан муджавазат хадхихи-ль-умма аль-альф*, в составе *аль-Хави*, II, 86].³⁸

Ибн Мас‘уд - да будет доволен им Аллах - сказал:

«Однажды Посланник Аллаха - да благословит его Аллах и приветствует - прочитал:

“Кого Аллах желает наставить, тому Он раскрывает грудь для ислама”³⁹,

а затем сказал:

“Когда свет входит в сердце, оно раскрывается”.

Его спросили:

“О Посланник Аллаха! Есть ли признак, по которому это можно узнать?”

Он ответил:

“Да: отворачивание от обители обмана к обители вечности и подготовка к смерти прежде, чем она придёт”⁴⁰.

Саид ас-Судди, толкуя слова Всевышнего, сказал: «Он *создал смерть и жизнь, чтобы испытать вас, кто из вас лучше по деяниям?*»⁴¹ :

«То есть: кто из вас чаще поминает смерть, сильнее боится её и внимательнее готовится к ней».

Саид Хузайфа сказал:

«Не проходит ни утра, ни вечера без того, чтобы глашатай не взывал:

“О люди! Двигайтесь! Двигайтесь!”

Доказательство этому - слова Всевышнего:

³⁶ Аль-Баззар, *аль-Муснад*; см.: аль-Хайсами, *Маджма’*, X, 311; Ибн Аби ‘Асим, *Зухд*, 75.

³⁷ Ибн Аби-д-Дунья, *Кисар аль-амаль*; см.: аз-Забиди, X, 254.

³⁸ Муслим, *Джуму‘а*, 52.

³⁹ Коран VI:25.

⁴⁰ Ибн аль-Мубарак, 106–107; аль-Хаким ат-Тирмизи, 126; аль-Халими, III, 384; аль-Хаким, IV, 311.

⁴¹ Коран LXVII:2.

«Ведь это - одна из величайших, в увещание для людей, тем, кто пожелает из вас идти вперед или отступить»⁴², то есть - в смерти».

Сухайм, маула [Mawlā — مولى(mawlā) — человек, связанный с арабским племенем отношениями покровительства и зависимости; также освобождённый раб, пользовавшийся определёнными правовыми привилегиями.] рода Тамим, сказал:

«Однажды я сидел рядом с ‘Амиром ибн ‘Абд Аллахом, когда он совершал молитву. Он быстро закончил молитву, повернулся ко мне и сказал:

“Успокой мой разум: скажи, с каким делом ты пришёл? Ведь я спешу”.

Я спросил:

“Почему ты спешишь?”

Он ответил:

“Из-за Ангела смерти, да помилует тебя Аллах”.

Я встал и ушёл, а он вернулся к своей молитве».

Ауд ат-Таи однажды проходил мимо, и какой-то человек спросил его о хадисе. Он сказал:

«Оставь меня, ибо я спешу, пока душа моя ещё не вышла».

‘Умар - да будет доволен им Аллах - сказал:

«Неторопливость хороша во всяком деле, кроме добрых дел, совершаемых ради Последней жизни».

Аль-Мунзир сказал:

«Однажды я услышал, как Малик ибн Динар говорил:

“Горе вам! Спешите, пока не настигло вас Повеление!

Горе вам! Спешите, пока не настигло вас Повеление!

Горе вам! Спешите, пока не настигло вас Повеление!”

Он повторил это шестьдесят раз, а я слышал его, оставаясь незамеченным».

Когда аль-Хасан произносил наставление, он обычно говорил:

«Спешите! Спешите! Если бы у вас были отняты дыхания, которые вы делаете, это стало бы концом ваших дел, через которые вы приближаетесь к Аллаху - Велик Он и Славен.

Да помилует Аллах человека, который обращает взгляд на самого себя и проливает слёзы о множестве своих грехов»⁴³.

Затем он читал аят: «Мы считаем для них счетом»⁴⁴, и говорил:

«Это относится к вашим дыханиям. Последнее из них будет сопровождаться выходом вашей души, разлукой с семьёй и входом в могилу».

Перед смертью Абу Муса аль-Аш‘ари был особенно усерден в поклонении. Его спросили, почему он не даёт себе передышки и не щадит себя. Он ответил:

«Когда скаковые кони, выпущенные на бег, приближаются к цели, они отдают все силы. А то, что осталось от моего срока жизни, ещё короче этого».

Так он продолжал до самой смерти. Он говорил своей жене:

«Готовься к трудности, ибо через Ад нет лёгкого прохода».

Один из халифов сказал с минбара:

⁴² Коран LXXIV:35-7.

⁴³ Слова «множество» / «изобилие» отсутствуют в рукописи Z.

⁴⁴ Коран, XIX:84.

«О рабы Аллаха! Бойтесь Аллаха настолько, насколько можете. Будьте подобны народу, которого пробудил великий крик, и который понял, что этот мир не является для него постоянной обителью, а потому обменял его на другую.

Готовьтесь к смерти, ибо её тень уже легла на вас. Отправляйтесь, ибо она неотступно преследует вас.

Поистине, срок, который уменьшается каждым мгновением и гаснет с каждым часом, неизбежно скоротечен. И то, что ныне отсутствует, но что дни и ночи всё более приближают, непременно вернётся скоро. А тот, кому предстоит либо победа, либо страдание, должен подготовиться наилучшим образом.

Богобоязненный перед своим Господом - это тот, кто наставляет самого себя, приносит покаяние и одолевает свои желания. Ведь срок его жизни сокрыт от него.

Пусть же надежда не обманет его, и пусть он не будет оставлен на попечение шайтана. Тот внушает ему жить одной лишь надеждой на покаяние, чтобы он всё откладывал его; он украшает в его глазах грех, чтобы тот совершал его, пока судьба не достигнет его в тот миг, когда он меньше всего её ожидает.

Между каждым из вас и Раем или Адом стоит только приход смерти.

Какой же скорбной будет участь беспечного человека, если жизнь его станет доводом против него, а собственные дни ввергнут его в несчастье!

Да сделает Аллах меня и вас из числа тех, кого Его милости не вводят в тщеславие, кого грех не отводит от повиновения Ему, и кого после смерти не постигнет печаль.

Поистине, Он слышит молитву; в Его руке - всякое благо, и Он вершит то, что пожелает».

Один толкователь, объясняя слова Всевышнего: «Вы сами подвергли себя искушению», сказал:

«То есть - желаниями и удовольствиями».

Слова: «и вы выжидали» - он истолковал так:

«Вы ждали покаяния».

Слова: «и сомневались» - так:

«Вы пребывали в нерешительности».

А слова: «и обольстили вас мечтания»⁴⁵, так что пришло повеление Аллаха» - так:

«То есть смерть».

И слова: «вас обольстил об Аллахе обольститель» - так:

«То есть шайтан».⁴⁶

Аль-Хасан сказал:

«Вам надлежит терпение и стойкость, ибо осталось лишь немного дней. Вы - словно отряд всадников, один из которых вот-вот будет призван; и, ответив на призыв, он уже не обернётся назад. Так проходите же свой путь, укрепившись лучшим из того, что находится в ваших руках».

Ибн Мас'уд сказал:

«Каждый из вас, просыпаясь утром, подобен гостю, а его имущество дано ему лишь взаймы. Гость должен уйти, а имущество должно быть возвращено».

Абу 'Убайда ан-Наджи⁴⁷ сказал:

⁴⁵ Слова «и пустые... вас» отсутствуют в рукописях МА и А.

⁴⁶ Коран, 57:14. Слова «дьяволом» отсутствуют в рукописи Z.

⁴⁷ В рукописях МА и А: «аль-Баджи», что представляется маловероятным.

«Мы вошли к аль-Хасану во время его последней болезни, и он сказал:

“Добро пожаловать вам, и да будет вам благая весть! Да встретит вас Аллах миром и поселит вас в Вечной обители!

Если у вас будут терпение, правдивость и богобоязненность, то это дело сулит вам великое благо. Так пусть же ваша доля от этой вести - да помилует вас Аллах - не будет в том, чтобы услышать её одним ухом и выпустить другим.

Тот, кто видел Мухаммада - да благословит его Аллах и приветствует, - видел, что он пришёл и ушёл, не положив ни кирпича на кирпич, ни соломинки на соломинку. Над ним было поднято знамя, и ради него он засучил рукава.

Так спешите! Спешите! Спасайтесь! Спасайтесь!

Почему вы колеблетесь? Клянусь Господом Каабы, вы и Повеление [т.е. День Страшного Суда] почти уже встретились.

Да помилует Аллах раба, который сделал свою жизнь простой, ел сухие корки хлеба, носил залатанную одежду, сидел на земле, усердствовал в поклонении, плакал о своих проступках, бежал от наказания Аллаха и искал Его милости - пока в таком состоянии не завершился его назначенный срок”».

‘Асим аль-Ахваль сказал:

«Однажды я задал вопрос Фудайлю ар-Ракаши, и он ответил мне:

“Что с тобой! Пусть множество людей не отвлекает тебя от самого себя, ибо Повеление придёт к тебе, несмотря на них.

Не говори: ‘Пойду туда, потом сюда’, ибо так день твой будет поглощён без пользы.

Дело сохранено для тебя: ты не увидишь цели прекраснее и вещи, осуществляемой быстрее, чем новое доброе дело, совершённое ради старого греха”».